E40
1675

Б. КАМЕНЕВ

МЕНЬШЕВИКИ РАЗРУШАЮТ РЕВОЛЮЦИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОЛЕТАРИЙ"

3355к:3232(47)(04)=9171

Е40 1675

1-й экз. осн. фонда

Л. Б. КАМЕНЕВ

МЕНЬШЕВИКИ РАЗРЫВАЮТ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

1966 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 33086 1991 г.

Типо-цинкография
Кооперативного Издательства
„ПРОЛЕТАРИЙ"
Харьков, Пушкинская № 40.

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 1331
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
~~Ст. 12028~~

Зак. № 358 Тираж 10000

Меньшевики разрывают с революцией *).

1. Принципиальные противоположности. Может ли г. Столыпин их примирить?

После поражения революции, особенно с 1908 г., начинается бегство из-под знамен Р. С.-Д. Р. П. Как и все ренегаты, люди, покидавшие старое знамя, наделали кучу нечистоплотных поступков и не обошлись без попытки забросить старое знамя таким количеством грязи, которое только способна была

*) В январе 1910 года пленум ЦК РС-ДРП сделал последнюю попытку удержать в рядах партии меньшевиков. Попытка не удалась. Меньшевики-ликвидаторы нарушили условия об'единения и продолжали свои нападки на партию. К началу 1911 г. необходимость решительного разрыва с меньшевиками выяснилась для нашей группы окончательно. Тогда, по поручению нашей группы была мною написана книжка „Две партии“ (вышла в августе 1911 г. в издании „Рабочей Газеты“ в Париже с предисловием т. Н. Ленина), задачей которой было подвести итог всей идейной и организационной борьбы между большевиками и меньшевиками за период 1907—1911 г.г. В то же время наша „Организационная Комиссия“ в России работала над подготовкой партийной конференции, которая должна была организационно закрепить откол меньшевиков от нашей партии и вос-

доставить им эпоха духовного обнищания и „вехов-ства“. Таков итог того, что мы видели на предшествующих страницах.

Но под какое знамя ушли они? Ибо мы говорим не о тех, кто совсем ушел с общественной арены. Те часто даже не трудились, уходя, оглянуться в сторону своего прошлого, и они нам совершенно не интересны.

Дело идет об общественном, исторически-обусловленном течении, закономерность возникновения которого связана с основными процессами в России эпохи контр-революции. Это течение среди социал-демократии вполне соответствует тому течению среди русского либерализма, которое нашло свое выражение в „Вехах“ и в „Русской Мысли“ редакции г-на Струве.

Борьба бывших марксистов с партией революционного социализма в России в эпоху контр-революции имеет такое же общественное значение и имеет

становить организацию последней на новых основах. От этой конференции, состоявшейся в январе 1912 г. в Праге, и ведет начало новая эпоха возрождения нашей партии, очистившейся от меньшевиков.

Из выше названной книжки „Две партии“ я здесь перепечатываю несколько глав, посвященных коренным разногласиям между нашей партией и партией меньшевиков, как они определились к тому времени. Внимательный читатель заметит, что взгляды меньшевиков на роль пролетариата в революции, на крестьянство и буржуазию, на значение революционной борьбы вообще, на перспективы хозяйственного развития России, высказанные ими в 1908—10 г.г. и подвергнутые здесь разбору, предопределили всю их тактику в 1917—22 г.г.

под собой такое же достаточное основание, как борьба социал-демократии с идеалистическим либерализмом бывших марксистов в 1898—1904 г.г., в эпоху подготовки революции, и борьба двух течений в самой социал-демократии в 1904—1907 г.г., в эпоху революционного кризиса.

Теперь не найдется ни одного грамотного человека из числа не совсем беззаботных насчет политических судеб России, который не сумел бы разглядеть за борьбой марксизма и quasi-марксизма в до-революционной, за борьбой большевизма и меньшевизма в революционной России—борьбы двух различных, враждебно-сталкивавшихся тенденций общественного развития.

Никто ныне не посмеет,—если не пожелает жертвовать своим званием элементарно-грамотного человека,—отмахиваться от вопросов, поставленных этой борьбой, под предлогом того, что эта борьба в свое время засорялась личными, случайными, формальными элементами.

Что же касается переживаемой эпохи, то провозглашение своего непонимания, совершающегося разделения в среде социал-демократии—скоро, кажется, будет об'явлено основной политической добродетелью всякого работника пролетарского дела.

Но если люди, дрожащие за свою добродетель, предпочитают закрывать глаза на протекающий перед ними процесс, то другие находят весьма выгодным для своих целей указывать, как на причину своего процесса,—на злонамеренность или злокозненность

тех или других личностей. Если для „вне фракционных“ процесс отделения революционного марксизма от оппортунистического рабочелюбия в Столыпинской России есть только продукт разложения изживших себя фракций, то для г.г. Мартова и Аксельрода весь этот процесс есть лишь результат преступной политики... членов Большевистского Центра.

Гнетущая атмосфера контр-революции и придавленности массового движения создают среду, в которой идейная борьба, ясность и выдержанность принципов, определенность политической линии охотно обмениваются на леденцы сладкогласного примиренчества, на слащавую „практичность“, трепещущую столкновения идей.

Социал-демократическая мысль и социал-демократическая работа, разбитая в России на две струи всеми условиями буржуазной революции, *не могла быть* об'единена репрессиями торжествующей контр-революции.

Вопросы, поставленные революцией, — глубоки и серьезны; вопросы, поставленные контр-революцией,—не менее глубоки и не менее серьезны, хотя и не допускают столь стремительного, как в революционную эпоху, перехода от теоретического к практическому ответу.

Контр-революция ставит серьезнейшие вопросы, но не дает условий для их быстрого решения на практике. Вот этой-то оттяжкой, которую внешняя

сила контр-революции кладет между выработкой пролетариатом ответа и приведением его в исполнение, и живет „практицизм".

Так как не может иметь *непосредственного* значения решение вопроса о характере „текущего момента",—то „практицизм" предлагает на этот вопрос совсем не отвечать.

Так как не может иметь *непосредственного* значения решение вопроса о гегемонии, то „практицизм" предлагает считать этот вопрос „пустяковеннейшим пустяком".

Так как пролетариат не может сделать *непосредственного* употребления из ответа на вопрос о тенденциях современного развития, то „практицизм" предлагает сей вопрос считать не относящимся до партийной работы социал-демократии...

И т. д., и т. д.

Бессловесные лишены неприятностей спора. Примиренчество, лишь превращая социал-демократов в бессловесных, действительно добивается своих целей. Но, в конце концов, не имея сил превратить в бессловесных мыслящих социалистов, примиренцы на самих себе показывают пример бессловесности (о, конечно, только по некоторым—важнейшим—вопросам: добейтесь-ка, например, от них ответа на вопросы, перечисленные выше! *).

*) Это не мешает, конечно, им весьма высокопарным слогом излагать то, что уже стало бесспорным,—не без предварительных споров, конечно, от которых тоже воздерживался какой-нибудь их идейный предок.

Вопросы, поставленные контр-революцией, сказали мы, глубоки и серьезны. Ответы, данные на эти вопросы различными группами, различными классами,—различны. Ответы, данные на них Р. С.-Д. Р. П. и ее врагами из бывших социалистов,—диаметрально противоположны. И в этом—и только в этом—причина того, почему рядом с Р. С.-Д. Р. П. возникла у ее врагов попытка и *стремление к созданию новой враждебной ей партии.*

Вчерашние члены партии вышли из Р. С.-Д. Р. П. и мечтают о создании другой партии (что вполне естественно, раз они хотят быть последовательными) потому, что данное партией решение вопросов, поставленных контр-революцией, их не удовлетворяет. Партия решает их с точки зрения революционного социализма, они решают их в духе либерализма. *Их ни перед чем не останавливающаяся борьба с Р. С.-Д. Р. П. ведется во имя либерального ответа на поставленные перед российским пролетариатом контр-революцией вопросы.*

Заключительный, практический, конкретный вывод в борьбе бывших социал-демократов с Р. С.-Д. Р. П—создание *открытой рабочей (?) партии—есть лишь практический вывод из своеобразного либерального решения вопроса о революции, о гегемонии, о соотношении классов в контр-революционную эпоху.*

И именно потому, что этот вывод опирается на известное решение всех этих вопросов,—теория открытой рабочей (?) партии ликвидаторов, не есть

досужая фантазия того или другого политического авантюриста, которой можно было бы пренебречь, а крупное общественное явление, детали и частности которого крепко и неразрывно связаны с решением крупнейших вопросов жизни пореволюционной России.

Самый осторожный, самый туманный, самый ловкий и самый богатый на увертливые формулировки сторонник открытой рабочей (?) партии в России, г. Мартов, проговорился в № 13 „Голоса Социал-Демократа“ следующим заявлением:

„Нелегальная организация социал-демократических элементов, борющаяся за *открытое* (курсив г. М.) рабочее движение, т.-е. в том числе и за завоевание собственного открытого существования, есть, конечно, нечто *принципиально* (курсив наш) противоположное нашей старой партийной организации, как она сложилась к 1905 году“.

К этой тираде стоит присмотреться внимательно. Нелегальная социал-демократическая организация 1910 года *принципиально противоположна* нелегальной социал-демократической организации до 1905 года. Сейчас приведенная цитата дает только один ответ на вопрос о корне этой *принципиальной противоположности*. Этот ответ состоит в том, что нелегальная соц.-дем. организация 1910 г. борется за открытое рабочее движение и за завоевание открытого существования для себя. Очень хорошо. Но за что боролась *принципиально противоположная* организация, „как она сложилась к 1905 г.“?

Беру программу этой организации и не без удовольствия убеждаюсь, что эта программа развивает следующие положения: Р.С.-Д.Р.П. ставит своей конечной целью социалистическую революцию. Она полагает, что революция недостижима никаким другим путем, как только путем развития широкого, открытого, массового движения рабочего класса и организации его в открытую самостоятельную политическую партию. Для всестороннего, широкого, открытого развития классовой борьбы пролетариата Р.С.-Д.Р.П. видит препятствие в современной социально-политической обстановке России, и, потому, стремится путем низвержения самодержавия изменить эту обстановку в направлении возможно большего расширения арены массовой и открытой борьбы пролетариата за социализм.

Беру далее—пропагандистские брошюры, газеты, листки и всюду вижу то же: Р.С.-Д.Р.П. борется за условия, при которых станет возможной открытая массовая борьба пролетариата за социализм. На каждой странице, в каждой брошюре то же: мы боремся с самодержавием во имя завоевания наивозможно более широких условий для открытой партии социализма, и полагаем, что эти условия будут тем шире, чем более активнее вмешается пролетариат, как самостоятельная сила, в процесс окончательной ликвидации старого порядка в России.

Убедившись в этом направлении борьбы Р.С.-Д.Р.П. до 1905 г., в 1905 году и далее, я говорю себе: нет, *принципиальная противоположность*, которую

г. Мартов устанавливает между Р.С.-Д.Р.П. и своей новой организацией, не в том, что первая не боролась за „открытое рабочее движение и за открытое существование для себя", а вторая хочет за это бороться. *Принципиальная противоположность*— не в этом. Так в чем же?..

В том, что Р.С.-Д.Р.П. находила и находит открытое рабочее движение *несовместимым* ни с самодержавием до 1905 года, ни со столыпинщиной 1910 г., а новая организация г. Мартова исходит из предположения об их совместимости в 1910 г.

Это действительно—принципиальная противоположность!

В самом деле, если борьба за открытое существование есть, как полагала и полагает Р.С.-Д.Р.П., борьба за коренной переворот в „социально-политической обстановке" (чтобы употребить выражение программы Р.С.-Д.Р.П.), то никакой *принципиальной противоположности* между Р.С.-Д.Р.П. и новой организацией г-на Мартова не получается. Эта противоположность действительно встает во весь свой рост, если допустить, что борьба за открытое существование, за открытое рабочее движение есть нечто *принципиально* отличное от этой борьбы за коренной переворот, если предположить, что „борьба за открытое рабочее движение",—это одно, а политическая революция—это другое. Так думает г. Мартов.

Правда, идея о совместимости открытого рабочего движения с режимом предшественников и наследников покойного В. К. фон-Плеве не нова.

Этой мысли придерживались экономисты. Они полагали, что „невозможно ставить движению первой политической задачей—низвержение абсолютизма. Его первой политической задачей может быть *только борьба за ближайшие политические требования*, каковы: свобода союзов, стачек, собраний"... (Ответ редакции „Рабочего Дела", 1899 г., стр. 25).

Автор „Красного Знамени в России",—увы!... г. Мартов,—следующим образом описывал результаты подобной постановки вопроса.

„Экономистам казалось, что окрепнувши и организовавшись в стачечной борьбе (мы теперь бы сказали, чтобы сделать все дальнейшее прямым нападением на г-на Мартова: в борьбе за частичные политические требования), рабочие смогут приобрести *влияние* на государственную политику, заставить правительство считаться с мнением рабочих так, как оно подчас... считается с мнением фабрикантов. А затем задачей пролетариата будет добиваться, чтобы это действительное влияние было закреплено в виде *политических прав*. (Слушайте, г. Дан). Стачки, например, станут сначала безнаказанными, а потом государство издаст закон, признающий стачки. То же с союзами и собраниями. (Слушайте, слушайте, редактора „Голоса Социал-Демократа" и „Нашей Зари"!..). Таким образом, задача борьбы за коренное изменение государственного строя отодвигалась вдаль, а в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав (ныне: право открытого существования) при

сохранении власти в руках нынешнего правительства. Надежда на такой путь развития была неосновательна (именно! Л. К.), потому что пролетариат может приобрести хотя бы малое влияние на ход дел в государстве, только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все население.

Эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации на место вопроса о политической революции, перемещающей государственную власть из одних рук в другие, говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти. А это уже вредно влияло на развитие революционного духа в рабочих массах" *).

Г. Мартов прав в обоих случаях. Он был прав в 1903 г., когда указывал на вредоносность подстановки на место вопроса о политической революции политических реформ, при сохранении старой власти. Он прав в 1910 г., когда указывает на *принципиальную противоположность* между Р.С.-Д.Р.П., и новой организацией, этот подмен совершающей. Разница лишь в том, что в 1903 г. он был

*) Этих слов надо искать во 2-м издании указанной брошюры. Как известно, 2-ые издания брошюр г-на Мартова отличаются от 1-х изданий тех же брошюр тем, что в них г. Мартов старательно вытравлял то, что их делало в первых изданиях характернейшими, „талантливейшими произведениями литературы *экономистов*". Теперь г. Мартов—с помощью контр-революции—возвращается к их первоначальному тексту.

на стороне Р. С.-Д.Р. П , а в 1910 г. на стороне пропагандистов „политической реформы“. Но этакие „повороты“... бывают, и для г. Мартова они не новость. *)

„Принципиальная противоположность“ между *задачами* социал-демократической организации, „как она сложилась до 1905 г.“, и современной организацией с легкой руки г-на Мартова стала общим местом, отправным пунктом рассуждений всех и всяческих оппортунистов русского марксизма. В теориях и писаниях „легальных марксистов“ „Нашей Зари“, „Возрождения“ и „Дела Жизни“ она получила дальнейшее выражение и развитие.

В том, что оппортунизм облюбовал эту демонстрированную г. Мартовым „принципиальную противоположность“ нет ничего удивительного. Наоборот, это совершенно естественно. Надо только помнить, что эта „противоположность“ есть не „противоположность“ между задачами Р.С.-Д.Р.П. в 1905 и 1910 г.г., а неизбежная „противоположность“ между Р.С.-Д.Р.П. и ее „экономическими“ (1898—1903), оппортунистическими (1904—1907) и, особенно, ликвидаторскими (1908—...) противниками.

Есть ли сила, способная эту противоположность уничтожить?..

Нет, ее не могут уничтожить Столыпины с Курловыми, ибо именно различной оценкой, различным отношением к столыпинщине, к вопросам, выдвигаемым всем ходом контр-революции,—эта „противоположность“ партии и ликвидаторства выдвигается

*) См. предыдущее примечание.

и питается. Ее не может уничтожить и примиренчество, ибо никогда еще „принципиальные противоположности“ в рабочем движении не уничтожались фразой, хотя бы и фразой о „единстве рабочего движения“.

Каутский в своей последней работе: „О тактических направлениях в германской социал-демократии“ недвусмысленно указывает на то, что „противоположность“ между лассальянством и эйзенахством была вызвана ничем иным, как противоположностью их отношения к бисмарковщине, к бисмарковской „революции сверху“, выдвинутой поражением „революции снизу“ 1848 г. И там же читатель найдет указание на то, что сглаживание этой противоположности могло подвигаться вперед только по мере того, как дальнейшее развитие Германии под ферулой Бисмарка об'ективно *уничтожало* большинство тех вопросов, которые были поставлены „революцией и контр-революцией в Германии“. Да и то говорить о полном уничтожении противоположностей не приходится: „противоположность“, сказавшаяся в отношении к контр-революционным методам строительства Германской Империи (Великой Германии), лишь приняла другую форму (форму борьбы марксизма с ревизионизмом), когда бисмаркская постройка была в общем закончена и социал-демократии пришлось устраиваться в новом здании.

Постройка „Великой России“ далеко не закончена, об'ективный ход развития далеко не решил еще вопроса о том, *кто* ее построит,—и потому

в основе всех „противоположностей“ в деятельности русских социалистов лежит еще принципиальное расхождение в отношении к *нашей* „революции сверху“.

Противоположность между деятельностью марксистов и ликвидаторов-легалистов, между нелегальной Р.С.-Д.Р.П. и открытой рабочей (?) партией, между сторонниками и противниками идеи „гегемонии“— есть противоположность между революционно-пролетарским и оппортунистически-либеральным отношением к столыпинско-октябристской революции сверху. Чтобы убедиться в этом, достаточно откинуть в сторону мартовско-примиренческо-впередовскую „ложь во спасение“ о том, что ликвидаторства вообще не существует, и заняться внимательным изучением этого важного и серьезного общественного явления контр-революционной эпохи. Надо отказаться от мысли рассматривать это явление, как ряд личных уклонений, индивидуальных ошибок, персональных измен. Дело и интереснее, и глубже, и значительнее.

2. Обновленный строй, буржуазия и пролетариат.

Г. Столыпин далеко еще не получил своей Садовой, а среди русских социалистов уже нашлись люди, готовые повторить слова Швейцера по поводу этого события, которое определило дальнейшее торжество Бисмарка: „Решительные события совершились... Это не есть то решение, которого мы хотели, но это есть решение, а именно оно фактически существует“.

Если в после-мартовской Германии вопросы ее дальнейшего развития заострялись на вопросе о национальном об'единении, то для России эти вопросы заострены на вопросе аграрном. Если Бисмарк перебил революцию войной, то Столыпин может ее перебить лишь землей.

Нет, поэтому, ничего более логичного, как то, что перемена программы и тактики, рекомендуемая партии пролетарского социализма в России ликвидаторами, должна исходить из анализа изменений в области российской аграрной проблемы.

Честную попытку начать—как и следует—с начала мы имеем в работах Ларина, Череванина и некоторых других. Оценка современного положения в аграрной области явилась важнейшим моментом и тех—декабрьских 1908 г.—резолюций, в которых партия дала свой ответ на вопрос о „текущем моменте".

Но аграрная проблема есть только центр вопроса, но не весь вопрос в целом. Отказ от идеи аграрной революции или защита этой идеи накладывает и должен накладывать определяющий отпечаток на всю постановку социально-политической проблемы в России. Постановка же этого общего вопроса нас только и может здесь занимать.

В статье г. Мартова: „Ликвидаторство" и „перспективы" заключается следующее со всех точек зрения любопытное признание. Изложив мысль статей Ю. Ларина, заключающуюся в отрицании возможности революционной постановки вопроса о создании новой России, г. Мартов продолжает:

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 704/1331.

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР
БИБЛИОТЕКА
СОЮЗА

„В статьях некоторых меньшевиков (напр., Когана в „Образовании“ за 1907 г.) проводилась та же схема... Более или менее ясно, у этих меньшевиков мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом „вростании“ рабочего класса в ту „законную“ страну, которая получила начатки конституционного режима, о постепенном распространении третье-июньских привилегий буржуазии на широкие круги демократии“. („Жизнь“, № 1).

Чтобы смягчить горесть этого сообщения, г. Мартов торопится указать, что тот же отказ от перспектив демократической революции лежал в основе тех „более или менее синдикалистских“ выводов, к которым приходили „наиболее отзовистские из большевиков“. Г. Мартов вынужден был здесь только повторить то, что с самого появления на политической арене отзовизма и ликвидаторства не перестает твердить большевизм и по поводу чего г. Мартов неоднократно делал большие глаза. Именно большевики утверждали, что отзовизм есть только ликвидаторство наоборот, ликвидаторство „слева“.

Разница между г. Мартовым и большевиками заключалась в том, что, констатировав отзовизм в своих рядах, большевики немедленно порвали с ним, употребив все усилия на то, чтобы раз'яснить рабочим не-социал-демократичность отзовизма, а г. Мартов лишь *через четыре года* после отмечаемых им самим статей нашел в себе благородную смелость упомянуть о существовании подобных тенденций в меньшевистской среде, и то упомянуть не для какой либо принципиальной размежевки,—

упаси, господи!—а лишь для того, чтобы заявить, что представителей этих тенденций ни в каком реформизме он, „разумеется", не подозревает.

Как бы то ни было, г. Мартов решил выдать головой своего сотрудника г. Когана, дабы отвлечь внимание от себя. Не будем, однако, торопиться с осуждением этого несчастного. Для того, чтобы не поддаться на удочку г. Мартова, достаточно задать себе вопрос: чем отличается Когановское „постепенное распространение третье-июньских привилегий буржуазии на широкие круги демократии" от „борьбы за легальность", которая, по Мартову,—по *Мартову*, а не по Когану,—есть „попытка низов" реализовать для себя те формальные и фактические уступки (привилегии), которые имущая „белая" кость (дворянство!) вынуждена будет делать имущей же „черной" (буржуазия!). („Возрождение" 1910, № 6, ст. г. Мартова, стр. 16).

На наш взгляд между этими формулами нет ни грана разницы. И если г. Мартов в 1910 г. повторил буквально формулу „вползающего в обновленную толмачевщину" Когана 1907 года,—то это совершенно недостаточная причина, чтобы отделять г-на Мартова от г. Когана.

В своей „Истории Германской С.-Д." Меринг в главе, посвященной „раздорам между фракциями" говорит о том, что „действительные различия" между лассальянцами, как Швейцер, и марксистами, как Либкнехт, заключались в том, „что Социал-Демократ" (орган Швейцера) вел свою оппозицию, исходя

из признания Северо-Германского Союза, тогда как „Демократический Еженедельник“ (орган Либкнехта) хотел разбить этот Союз вдребезги“.

Как бы ни относиться к сравнительной оценке конкретной тактики Швейцера и Либкнехта, проникающей труд Меринга, достаточное подтверждение правильности вышеприведенных слов его находится в том заявлении Швейцера, которое он счел нужным сделать по поводу оценки Либкнехтом „революции сверху“ в Северо-Германском Рейхстаге. Швейцер заявил, что „он сходится с Либкнехтом в оппозиции против внутренних порядков Северо-Германского Союза, но *не в стремлении разбить самый этот союз*“.

В усиленно и нарочито засоряемых г-дами Мартовыми спорах партийцев и ликвидаторов бывали, однако, моменты, когда эти споры подходили также рельефно к коренным вопросам дальнейшего развития России, как подошли Либкнехт и Швейцер в выше-цитированных словах к коренным вопросам бисмарковской „революции сверху“: „Союз“, который „стремился разбить“ Либкнехт (*вместе с Марксом и Энгельсом*), и дальше оппозиции „внутренним порядкам“, которого не шел Швейцер (вместе с либералами), — был прямым детищем Бисмарка.

В первом же номере „Пролетария“, вышедшем заграницей, автор „Политических заметок“, т. Ленин, обсуждая выдвинутый тогда лозунг „об'единения

оппозиции", поддержанный и бернштейнианцами „Товарища" и народниками „Русского Богатства", писал:

> „Мы всецело за „об'единение", за об'единение для беспощадной борьбы с ренегатами революции (г. Коган тогда уже написал свои статьи, о которых заговорил в 1910 году г. Мартов). Не нравится?.. (г. Мартов тогда еще считал нужным молчать о статьях г. Когана).—Наши дороги разошлись.—Старый дооктябрьский лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано Медему из „Нашей трибуны...") не выкидываем его прочь. Наша „программа-минимум", „программа нашего об'единения" проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика". („Пролетарий" № 21, февраль 1908 г.).

Ответ на этот вопрос со стороны „Г. С.-Д." заставил себя ждать. Промолчав целый год, в апреле 1909 года г. Мартов решился подойти к вопросу вплотную и дал ответ, который ценен не своим положительным содержанием (он бил в лицо всему практическому поведению и характеру решения всех конкретных вопросов со стороны ликвидаторов). Этот ответ ценен тем и только тем, что он признавал *правильность той постановки вопроса*, которая была дана в „Пролетарии" и от которой не в силах оказались увернуться ни г. Мартов в 1909 г., ни г. Ларин в 1910 г.

В апрельском № „Голоса Социал-Демократа" Мартов писал:

> „Пока история не решила этого вопроса о будущем так, как его решила для Германии в 1871 г., до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи идти к неизбежному политическому кризису со своим

революционным решением политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация поместного землевладения и полная свобода самоопределения)". (№ 13).

„Пролетарий" немедленно же по получении этого „ответа" писал:

„Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюции партийной конференции декабря 1908 года. Г. Мартов ими вплотную подвинулся к позиции нашей партии" *).

Во всяком случае эти слова г. Мартова важны для нас, как показатель того, что он вынужден был формально признать правильность такой постановки вопроса, которая была сделана „Пролетарием" и которая, как мы могли убедиться на примере споров Либкнехта и Швейцера, неизбежно оказывается в основе тактических делений, в моменты, когда „история еще не решила" вопроса об окончательном торжестве революции сверху, как было в Германии до 1871 года и в России в 1908—1911 годах.

Работа в роли крайней оппозиции на почве, созданной контр-революцией, при отказе от стремления разбить самое эту „почву",—как Меринг характеризует позицию Швейцера,—или революционное разрушение самой этой почвы, отнюдь, конечно,

*) Кстати будет сказать, что только этого рода ответ, данный после годового размышления, и сделал психологически возможными те кратковременные разговоры об „об'единении", которые довольно широко велись за границей в 1909 г. Кратковременность же об'ясняется тем, что очень быстро обнаружился чисто словесный, лицемерный характер этого ответа.

не исключающее использования всяческих „возможностей“, но ставящее это использование под контроль революционной тактики,—тактики, которую вместе с Либкнехтом разделял Энгельс (см. его анонимную полемику со Швейцером в последнем отделе брошюры „О прусском военном допросе и германской рабочей партии“) и Маркс *). Так стоит вопрос.

Мы уже видели, что г. Коган непосредственно после переворота 3 июня в 1907 году примкнул к первой тактике, поторопившись уже заодно роль крайней оппозиции заменить ролью „вползающих“.

Он уже в 1907 г. был не один. В том же году, упомянутый уже в цитате из „Пролетария“ Медем в „Нашей Трибуне“ от имени группы бундистов писал, что „теперь, вместо спора о том, *как* добывать народу то, что ему нужно,—пойдет спор о том, *что* нужно народу“, и находил, что „такой спор ближе к широким массам“, чем вопросы о том, *как* добыть.

---

*) Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить факт отказа Маркса и Энгельса от сотрудничества в Швейцеровском „Социал-Демократе“, последовавший именно в связи с отношением последнего к бисмарковщине. Ср. критику тактики лассальянства в Марксовском письме к Швейцеру от 13 окт. 1868 г., где Маркс говорит о „мнимой практичности“ лассалевской тактики, неизбежно выдвигающей „прусское государство“ и приводящей к „уступкам прусской королевской власти, прусской реакции“... Смысл этих упреков великолепно выяснен Марксом же в его „Критике готской программы“, зло издевающейся над „увертками“ подменяющими борьбу за демократическую республику „требо-

Это было уже недвусмысленным призывом считать поконченным вопрос о *добывании*, принявшись за выторговывание от созданного контр-революцией порядка того, *что* нужно и что, конечно, на этой почве *может быть дано*, добавим мы.

А дальнейшее развитие той же мысли принесло нам — в статьях г. Дана — и открытую полемику против „голо-отрицательного положения" по отношению к попыткам контр-революции взять в свои руки процесс социального преобразования (закон 9 ноября), причем в лице своих противников г. Дан имел отнюдь не анархическое отрицание „отзовистов". Ведь и Либкнехт не был анархистом, ни даже отзовистом... вопреки историческим взысканиям впередовцев.

Эти робкие вначале намеки „на теорию вползания" получают, затем, в статьях г.г. Мартова, Дана, Мартынова, а, с другой стороны, Ларина с его „очень ясным языком" полное развитие. Эта теория исходит из мысли, что абсолютистские формы, дворянская диктатура и прочие остатки докапиталистической эпохи, далеко еще не сваленные первой

ванием вещей, возможных только в демократической республике, от государства, которое есть не что иное, как подбитый парламентскими формами с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически-канцелярский, полицейски-охраняемый военный деспотизм". А тут же находящиеся слова Маркса о „демократизме в границах полицейски-дозволенного и логически недозволительного", так и кажутся направленными против наших сторонников открытой партии.

Во всех этих выступлениях Маркса и Энгельса против Швейцера и „наследников Лассаля" речь идет именно о различном отношении к „почве", создаваемой контр-революцией.

волной российской революции и под ее напором лишь внешне „обновленные“, далеко не соответствуют интересам развивающейся, обуржуазивающейся России. Мысль, правильности которой не может, конечно, подорвать ни то, что в 1908 году она могла праздновать 25-летие своего рождения в русской революционной среде, ни то, что в качестве иллюстраций к ней могут быть приведены... прусская борьба за всеобщее избирательное право, английская борьба с палатой лордов, испанская борьба с клерикальной монархией и т. д. и т. д., т.-е. целый ряд фактов, *характерных для начала XX века в Западной Европе.*

Ее не делает менее верной и то, конечно, что в контр-революционной России ее усиленно разрабатывает и кн. Е. Трубецкой, побужденный к этому заявлением г. Столыпина: „я — сам помещик“, и г. Струве, „Великая Россия“ которого наткнулась на бездарность бюрократии, и его степенство, г. Гучков, наткнувшийся на барчука Пуришкевича, и „Голос Москвы“, наткнувшийся на „национальный союз“ аграриев.

Бесчисленное количество раз повторяя, пережевывая, „углубляя“, размазывая, разрисовывая эту святую истину о противоречии между абсолютистскими формами и неостанавливающимся капиталистическим развитием, как о достаточном базисе социал-демократической тактики, г. Мартов забыл, из чьих рук получил ее, и потому был более чем приятно

поражен, когда нашел ее у г. Струве. В 1910 году г. Струве в органе князя Трубецкого писал:

> „Я твердо убежден, что для народного самовоспитания и именно для государственного и культурного дисциплинирования народа ничего не нужно в такой мере, как *полная ликвидация старого порядка*... В жизни народа есть свои исторические необходимости и только тот, кто их сознает и будет осуществлять, уйдет от власти стихий".

Процитировав эти слова, г. Мартов торжественно провозгласил:

> „Г. Струве кажется, возвращается „в первобытное состояние"—*к языку марксиста* *)".

И тут, действительно, одно из двух: либо г. Струве заговорил языком марксиста, либо г. Мартов разучился различать язык марксиста от языка либерала.

Остается либералом и говорит либеральным языком тот, кто по поводу российского „текущего момента" ограничивается „только" констатированием факта противоречия политических форм и развивающейся социальной среды, тот, кто, как г.г. Струве и Мартов, полагают это констатирование достаточной базой для определения своей тактики.

„Ликвидация старого режима" была исторической необходимостью во Франции *и* в 1789, *и* в 1830, *и* в 1848 г.г., в Германии и в Австрии *и* в 1848, *и* в 1860-х г.г. Вопрос в России состоит не в том, что „ликвидация старого режима" есть историческая необходимость, об'ективная задача и неизбежный

*) „Возрождение", 1910, № 6.

этап ее социального развития. Вопрос даже и не в том, в какой форме *) будет исторически совершаться эта неизбежная ликвидация. Г-ну Струве не надо было языка марксиста (достаточно было языка идеолога капиталистической буржуазии), чтобы в той же статье, цитируемой г. Мартовым, сказать: „И эта ликвидация будет благом *во всяком случае, каким бы путем она ни произошла*". Это значит, что г. Струве не делает принципиального различия между путем, скажем, Франции 30 г. и Германии 60 г.г.

Действительный вопрос—и тут только начинает сказываться пропасть между либеральным и марксистским языком—заключается в *социальном содержании* этой ликвидации, в том, *будет ли эта ликвидация старого режима моментом пролетарски-крестьянской революции, или моментом взаимоприспособления романовской монархии и капиталистической буржуазии.*

Когда либерал, вроде г. Струве, готов благословить ликвидацию, „каким бы путем она ни произошла", он—явное дело—допускает возможность, что в процессе взаимоприспособления монархии и буржуазии могут случиться моменты крайнего обострения.

Но когда якобы марксист Мартов считает, что, говоря это, г. Струве говорит по-марксистски,—он столь же явно отрекается от пути пролетарски-крестьянской революции, явно ограничивает свой горизонт *только* теми возможностями, которые разрешает

*) В узком смысле слова.

истории либеральная ограниченность какого-нибудь Струве и даже Гучкова, и „Голоса Москвы“.

Возможна,—говорит либерал, — ликвидация по германскому типу путем приспособления юнкерской монархии к буржуазии, возможна ликвидация и по типу буржуазного переворота 1830-го года во Франции. По крайности я приемлю и этот второй путь ликвидации. Ведь и для г. Мартова характерность революции 1830-го года в том, что она была „подлинной“ буржуазной революцией, „революцией на редкость“ закругленной „в своей буржуазной ограниченности“ *). Но что я решительно отвергаю, это—путь 1789 года во Франции и путь 1905 года в России.

Так говорит либерал, под „марксистские“ аплодисменты г. Мартова и всех меньшевиков.

„Голос Социал-Демократа“, как и „Наша Заря“ и „Возрождение“, как и весь либерализм стоят на *точке зрения признания относительной прогрессивности прусского типа 60-х г.г. или французского типа „закругленной, подлинной“ буржуазной ликвидации 1830-го года перед „безумно-стихийным, „утопичным“ путем 1905—1906 г.г.*

Сейчас написанные слова надо понимать буквально, т. е. не в том смысле, что ликвидаторы пришли к убеждению, что всякий другой путь, кроме прусского пути или пути 1830-го года, нам уже заказан историей, а в том именно, что всякий другой путь будет менее соответствовать интересам дальнейшего

*) Л. Мартов в „Возрождении“ за 1909 г., № 1—2, стр. 29.

развития России. Таким-то образом, позиция „Голоса" определилась не как противопоставление либеральному пути другого, пролетарски-крестьянского пути, не как отстаивание этого второго пути, а как поддержка либералов на ими, либералами, выбранном пути.

Об этой позиции „Голоса" свидетельствует не только характер той критики, которую он и его единомышленники обрушили на первые же шаги народных масс по крестьянско-пролетарскому пути ликвидации старого режима, не только их идейка о противоречии этого пути „хозяйственному развитию России" (см. „Общ. Движение", книгу Череванина), не только их словечки об архаическо-утопическом характере крестьянского восстания (см. статью Мартынова), не только их приписывание того обстоятельства, что на этот путь встал пролетариат,— „стихийно-революционному, а не политически-сознательному классовому характеру" его движения (см. „Нашу Зарю", 10. 7). Либеральным характером этой критики нашей революции мы здесь не можем заняться.

„Не надо переть туда, где были раз разбиты", воскликнул г. Дан на общепартийной конференции, протестуя против тех задач, которые последняя намечала для партии.

„Нет большей нелепости, как мысль, будто новый под'ем будет ни чем иным, как расширенным и дополненным изданием 1905 года", писал он в „Голосе Социал-Демократа" (№ 13).

„Необходимо, прежде всего, отрешиться от мысли, что... Россия обязалась решить свою политическую проблему непременно в той обстановке, в какой она пыталась ее решить в 1905 и 1906 г.г.", пояснял г. Дана г. Мартынов в „Возрождении" (1909, № 5—6).

Что обстановка нового под'ема будет иная,—это тоже святая истина, на которые такие мастера господа Мартов с Мартыновым. Но вопрос идет не об „обстановке", а о тенденциях и задачах движения, спор не о том, изменилась или не изменилась „обстановка", а в том, должны ли мы и в *изменившейся* обстановке отстаивать „непременно" „старые" методы „решения политической проблемы".

Мы нарочито говорим не только о старых *методах*, ибо, очень много толкуя о новой обстановке, г.г. ликвидаторы умудрились ни разу не сказать конкретно, какие же из старых методов и почему отвергает новая обстановка. Метод ли всеобщих стачек? Метод ли связывания экономической и политической борьбы пролетариата? Или „метод" вооруженных восстаний, солдатских „бунтов", Советов Депутатов, борьбы с либерализмом, и т. д., и т. д.? Г.г. ликвидаторы довольствуются пропагандой одного: новая обстановка отвергает гегемонию пролетариата, передавая ее в руки буржуазии.

В этом именно — смысл всех вышеприведенных сентенций об „изменившейся обстановке". Это тот единственный и дорогой г.г. ликвидаторам вывод, который они делают из „изменения обстановки".

Под прикрытием слов (правильных слов) об изменении „обстановки“ в лагере ликвидаторов как раз и происходит отрицание старых задач революции, отрицание, отказ от путей 1905 года во имя „чистоты“ буржуазного переворота, во имя „подлинной“, „закругленной“ буржуазной революции в ее противопоставлении „не-подлинной“, не „закругленной в своей буржуазной ограниченности“ революции 1905 года, революции, специфическую черту которой К. Каутский видел в том, что она уже стоит, благодаря роли в ней пролетариата, на границе буржуазных и социалистических революций.

Защищая октябристскую аграрную программу в III-й Думе, г. Львов обрушился на крестьянское движение 1905—1906 г.г. Он сказал:

> „Земля каждому нуждающемуся—вот был доминирующий голос, прямо выхваченный из суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе... К чему привели бы эти представления?.. Они привели бы не к созданию социализма; это была только личина социализма, это была только личина национализации земли, они бы сдвинули все наше государство на край того первобытного общинного быта, того полукочевого состояния, когда еще не создались и не окрепли правовые понятия в народной массе... На таком фундаменте построить капиталистическое государство невозможно“.

Г-ну Мартынову должно было, конечно, понравиться подтверждение его собственных взглядов на крестьянское движение из уст помещика-октябриста. Он дважды цитировал эти слова: „Г. Львов—прав“,—писал он в „Возрождении“, „г. Львов—весьма

проницателен", „г. Львов очень удачно" характеризовал крестьянское движение,—писал он в „Голосе". Однако, что же утверждал г. Львов?.. Он утверждал одно,—что на основе крестьянского восстания и конфискации земель нельзя построить капиталистическую Россию. Чему же так обрадовался в этом заявлении г. Мартынов?.. Обрадовался он потому, что и сам считает крестьянское движение 1905—1906 г.г. „архаическим", „изжитой формой крестьянского движения", потому что сам он полон октябристских опасений насчет „полукочевого быта".

Но отказ строить капиталистическую Россию на почве крестьянского восстания, столь естественный в устах г. Львова, — и есть отказ от задач и тенденций 1905 г. во имя прусского пути или пути 1830 года.

„На смену старых, изжитых (больно быстро вы изживаете, г. Мартынов!) форм крестьянского движения появятся новые, более согласованные с нашим экономическим развитием... чисто батраческое параллельно с движением мелких собственников и арендаторов". Что же такое эти „новые формы"?.. В раз'яснение и г. Мартов („Голос Социал-Демократа", № 13), и г. Мартынов („Возрождение", 1909 г., № 5—6) „тамбовско саратовской" форме крестьянского движения противопоставляют характер крестьянского движения в Прибалтийском крае. В чем же видят они преимущество последнего?.. Это об'-ясняет откровенный Ларин и живописует тоже откровенный Череванин. „В Прибалтийском крае с его

массами сельско-хозяйственных рабочих требование раздела помещичьих земель не выставлялось даже в 1905 г.“,—пишет Ларин („Возрождение, 1910 г., № 9—10, стр. 21). Не менее определенны и причины предпочтения „новых форм“—„архаическим“ г-на Череванина. „В своих перспективах насчет радикальной ломки *аграрных* и политических отношений *революционные и оппозиционные* (даже оппозиционные!? Л. К.) *партии зашли слишком далеко*“. Уверенный в том, что у нас есть уже достаточная почва для того, чтобы „крестьянское движение утратило разрушительный и приобрело более *мирный*, забастовочный характер“, г. Череванин дает ясное представление о своих симпатиях, когда журит правительство, что и эту мирную борьбу оно стесняет. Ведь, „если крестьянство не будет иметь возможности вести борьбу путем союзов и стачек..., то крестьянское движение будет периодически принимать стихийно-разрушительный характер, проявляясь в массовых разгромах, грабежах и поджогах“. О, либеральные угрозы, о, кадетствующие ренегаты! *).

Смысл замены „архаического“ движения 1905 г. „новыми формами, более согласованными с нашим экономическим развитием“ теперь должен быть нам совершенно ясен. Это есть *замена революционного*

*) „Современное положение и возможное будущее“, стр. 138. Между прочим, эту книгу, проникнутую сплошь тем же ренегатским духом, постигла интересная судьба. В руках „Г. С.-Д.“ именно она призвана была свидетельствовать за революционный марксизм г. Череванина. Характерно.

движения крестьянства под флагом экспроприации помещичьих земель „мирным" движением на почве признания ненарушимости помещичьего землевладения.

Для этого „нового" движения, предварительным условием которого должен явиться отказ от революционной борьбы за землю, встанет и „новая цель", которую — вполне естественно — и пропагандирует г.г. Мартынов с Череваниным: „завоевание совокупности экономических и политических условий, необходимых для ведения капиталистического хозяйства на началах мелкой собственности или денежной аренды" (см. „Возрождение", 1909 г., № 5—6, стр. 46 и „Голос Социал-Демократа", *где эта программа повторена буквально*, № 10—11, стр. 13).

Так осторожненько—и вполне по-*октябристски*, ибо это действительно *октябристская* формулировка программы крестьянского движения, — формулирует г. Мартынов „новые цели" крестьянского движения. Не трудно, однако, заметить, что эти „новые формы" могут развиться лишь на почве новой России, для которой „архаические" вопросы современной России будут уже решены.

Покуда же признание этих „новых целей" и „новых форм" крестьянского движения *„более согласованными с нашим экономическим развитием"*— есть отказ от борьбы за полное уничтожение помещичьего землевладения во имя прусского типа капиталистического развития, есть совершенное и полное

подчинение основной, все-определяющей октябристской мысли о том, что крестьянское восстание по типу 1905 г. *не согласовано* с нашим экономическим развитием, есть отказ от марксистской мысли, что *единственно согласованным* с нашим „архаическим" аграрным вопросом является „архаическое" крестьянское движение, „разрушительное" крестьянское восстание.

Быть может, прусский путь у нас возобладает, тогда мы будем иметь и „новые цели" и „новые формы" крестьянского движения, но „пока,—по признанию г. Мартова, — история этого вопроса не решила", отстаивать эти „новые формы" и эти „новые цели" перед „архаическими" „целями" и „формами" крестьянских восстаний 1905—1906 г.г.,—значит работать на помещика, на либерала, помогать в том направлении, чтобы история пошла по-прусски, но, отнюдь, не во имя революции.

Г. Мартынов считает „более соглассованным с нашим экономическим развитием" прусский путь или путь 1830 года (их об'единяет, несмотря на различие форм „ликвидации старого режима", то, что ни тут, ни там, ни крестьянское восстание, ни борьба за республику не определяли хода „ликвидации)".

В области политических вопросов тот же путь считают „более согласованным с нашим экономическим развитием" г.г. Мартов и Дан.

Не понявши, что отличие пролетарской политики от либеральной политики заключается не в повторении того, что существует противоречие между

абсолютистскими формами и общими требованиями капиталистического развития, а в другом понимании самих этих требований, в отстаивании, в этом смысле, *другого* пути самого капиталистического развития г. Мартов должен был неизбежно придти к чисто либеральному же представлению о том, что это противоречие должно уничтожаться в процессе *конституционного* кризиса.

> „Кризис,—писал г. Мартов,—к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным в том смысле, что в нем на очередь будет поставлен вопрос о заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских норм и учреждений современного режима" („Г.С.-Д." № 13).

Но сказать так, значит, сказать, правда, немного более того, что говорят „Вехи", но уже не более, а как раз то, что говорит г. Милюков и „Речь".

„Заполнение конституционным содержанием полуабсолютистских форм", или—по другому выражению г. Мартова,—„разрешение нынешнего двусмысленного лжеконституционализма в конституционализм более или менее европейского характера",—да это и есть то своекорыстное представление о характере грядущего „кризиса", которым русский либерализм обманывает и себя, и народ, и в разрушении, а не в повторении и распространении которого задача социал-демократии.

Это понимал еще Лассаль, который в разгар „прусского конституционного конфликта" открыл свою блестящую кампанию как раз против „веры" прусского

прогрессизма в то, что „лжеконституционализм“ может „разрешиться в конституционализм“. Вся тактика „прогрессизма“ была основана на этой вере. Вся тактика Лассаля была основана на убеждении в том, что *единственное действительное средство борьбы против лжеконституционализма заключается в разоблачении того, что без ножа государственного переворота никакого конституционализма лжеконституционализм родить не может*. Мы полагаем, что эта справка будет очень поучительна для поклонников г-на Мартова: она покажет им, что их тактический вождь стоит не на точке зрения Лассаля, а занимает буквально позицию его злейших противников, прусских либералов. Он твердит по-либеральному о „заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских форм“ как раз в тот момент, для которого Лассаль рекомендовал разоблачение народным массам заключающегося в этом представлении обмана. Лассаль прекрасно видел, что подобное представление есть только яркий симптом окончательного политического банкротства либерализма и ничего более.

„Кризис“ или будет жалкой игрой, пустышкой, эпизодом в истории обуржуазивающейся монархии, или он будет заполнен *революционным* содержанием и тогда он будет „конституционным“.

Сказать, что Россия идет к „конституционному кризису“, в котором „на очередь будет поставлен вопрос о заполнении и т. д.“,—это значит,—совсем на манер либералов всех стран и времен,—не

понимать, что никакой „конституционный кризис“ не может в России привести к этому „заполнению“, что это „заполнение“ может быть результатом революционного кризиса, но что тогда оно не будет „заполнением“ ранее данных чуждых „форм“.

Умудриться в определении общей линии развития подменить революционный кризис—„конституционным“, а низвержение полуабсолютистских форм—их „заполнением“ содержанием октябристского либерализма—это уже много.

Нигде еще „конституционный“ кризис не проводил при господстве контр-революции к „заполнению полуабсолютистских форм конституционным содержанием“: для познания этого г-ну Мартову не надо было ждать русского „кризиса“ 1911 года, достаточно было знать прусский кризис 1862—1863 г.г. и его оценку германской социал-демократией. И там буржуазное „содержание“ возобладало не благодаря „кризису“ 1863 года, а благодаря „революции“, хотя бы и „революции сверху“ 1866—1871 г.г.

Достаточно перелистать знаменитую речь Лассаля: „Что же теперь?“, произнесенную им в самый разгар прусского конституционного конфликта в ноябре 1863 г., в которой он по существу рекомендовал палатам и избирателям не что иное, как *государственный переворот, как выход из конституционного конфликта*, чтобы убедиться в этом. Если „конституционный конфликт“ стал на деле лишь ареной „политического банкротства буржуазии“, то именно потому, что вопреки агитации Лассаля,—прусская

буржуазия решительно отказалась искать выхода по намеченному им пути. Она осталась на почве конституции; но этим она не предупредила государственного переворота, а лишь отдала его в руки Бисмарка.

Как в 1862 году в Германии, так в 1911 году в России из революционного положения нет *конституционного* выхода, что бы ни говорила по этому поводу либеральная ограниченность г-на Мартова. При таком положении государственный переворот—сверху ли, снизу ли—единственный выход. „Имманентное право верховной власти на государственный переворот", провозглашенное у нас в соответствующий момент Меньшиковым, как и подобное же „право" народа—при этом положении гораздо более реальны,—как бы ни старалась закрыть на это глаза либеральная трусость,—чем „разрешение лжеконституционализма в конституционализм" в духе либеральной веры г.г. Милюкова и Мартова и... „прогресивных" противников Лассаля в 1962 году.

Поддерживать, как это делают г.г. ликвидаторы в бесчисленных статьях о „буржуазии и современном режиме", от „исторической необходимости", о „левении буржуазии", чисто либеральное представление о том, что „разрешение двусмысленного лжеконституционализма в европейский конституционализм" (хотя „бы более или менее" европейский),—значит покрывать перед лицом рабочих либеральную ложь и самим становиться ее проводниками.

Либеральное представление о „конституционном кризисе", как о способе „разрешения современной

двусмысленности", обязывает, конечно, к известному представлению и о его движущих силах и о его арене.

Г. Мартов не скрывает, например, от себя, что

> „все это (точнее было бы сказать: не все это, а точка зрения либеральной ограниченности г. Мартова) ведет к тому, чтобы вдвинуть процесс наростания элементов будущего политического кризиса в значительной мере в рамки норм и учреждений, оставленных России незаконченной революцией".

Вот уж, поистине, „заставь...либерала богу молиться, он лоб разобьет", заставь г-на Мартова доказывать важную роль Думы и всяческих легальных возможностей, он непременно и „процес наростания элементов кризиса" „вдвинет" в „рамки норм"... 3-го июня, и „учреждения"... Государственной Думы. И, конечно, это так с точки зрения „конституционного кризиса", но не с точки развития кризиса революционного. Кризис конституционный есть кризис на почве данной конституции. Этим определяется, что главным действующим лицом *такого* кризиса может явиться в России буржуазия, а не кто-либо другой.

Перспектива конституционного кризиса или ряда конституционных кризисов есть переспектива гегемонии буржуазии над всеми остальными слоями в деле постройки новой России, так же, как перспектива кризиса революционного предполагает гегемонию пролетариата.

Роль буржуазии, как движущей силы всего процесса, как застрельщика и гегемона борьбы, настолько связана с перспективами г.г. Мартова, Дана,

Мартынова и их единомышленников, что обоснование этой роли составляет, поистине, основное содержание всей работы этих публицистов.

Это, между прочим, интереснейшая сторона их деятельности. Поскольку „Голос Социал-Демократа" не отвлекался в сторону „критическими" выпадами против Р.С.-Д.Р.П., против „архаизма" 1905 года, вся остальная, „положительная" часть его работы может быть охарактеризована в четырех словах: „апология грядущей роли буржуазии".

„Буржуазия должна полеветь", „буржуазия полевеет", „буржуазия левеет", „буржуазия полевела,"— судорожные поиски за буржуазией, вот что определяло политическую физиономию „марксистов" из „Голоса", „Нашей Зари", „Возрождения", и вот та печка, от которой только и умеют танцовать эти претенденты на руководительство рабочим движением *).

*) В связи с этим не лишнее отметить „роман" голосовцев с „Вехами". Конечно, они поняли свою задачу по отношению к „веховству" так, что они должны очистить русский либерализм от той скверной тени, которую набросили на него «Вехи". Русский либерализм лучше „Вех", вот тема, на которой опять сошлись г. Мартов с Милюковым и г. Дан с г. Гредескулом. Вместо того, чтобы познакомить русских рабочих с тем образчиком самопознания, с тем самоголением либерализма, которое дано в „Вехах", вместо того, чтобы на этом компрометирующем материале показать руским рабочим истинную природу либерализма, г.г. Мартовы и Даны—в целях высшей политики!— попытались отмыть от русского либерализма проступившие на его теле „веховские" пятна. „Вехи размахнулись слишком широко", „Вехи сказали слишком много, слишком спешили додумать до

Это совершенно естественно и, как мы сказали, совершенно неизбежно связано с основной позицией ликвидаторов. Скинувши со счетов пролетарско-крестьянское движение, ликвидаторская мысль должна была потянуться к буржуазии, к „левеющей“ торгово-промышленной буржуазии, как к естественному центру грядущего кризиса, как к его определяющей силе. Судорожные поиски „левеющей“ буржуазии были признаком и последствием отказа от перспектив революционного развития „кризиса“. Пролетарски-крестьянский путь построения новой России—„утопичен“, „архаичен“, „не соответствует условиям нашего хозяйственного развития“, Россия идет к „конституционному кризису“, „на очереди стоит вопрос о заполнении полуабсолютистских форм конституционным содержанием“,—из этого мог быть только один логический вывод: буржуазия будет движущей силой всего дальнейшего процесса.

„Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее „движущей силой“, заявил г. Мартов в январе 1909 г. („Возрождение“, № 1).

конца выводы из классового антагонизма буржуазии с пролетариатом... Откровенно-реакционная идеология может лишь стеснить русскую буржуазию“... писал г. Мартов. Когда г. Милюков об'яснял г Струве, что он размахивается „слишком широко“, что он „слишком“ откровенен—это было понятно. Но и тогда, когда это втолковывает вехистам г. Мартов, об'ективная тенденция его трудов не может не быть ясной. Приписывая буржуазии роль руководителя, он не может желать, чтобы оная буржуазия выступила перед пролетариатом окончательно скомпрометированной. Приходится ее подчищать... И это не раз и не два...

Это значило: пролетариат и крестьянство должны погодить „дальнейшего развития буржуазии“ и ей предоставить роль „движущей силы“. Это значило еще: „завершать“ общественный переворот будет буржуазия и никто иной.

Ошибочно ли, утопично ли „новое тяготение мелко-буржуазных элементов общества сплотиться *вокруг буржуазии, как носительницы освободительных тенденций капиталистического развития*“ *),—спрашивал, развивая свою тему, г. Мартов.

Нет, не ошибочно, не утопично, отвечал он. Представление о буржуазии, как о носительнице освободительных тенденций,—законное представление. Почему?

Потому что:

> „пролетариат и крестьянство не оказались той комбинацией, которая в данных условиях могла разрешить поставленную историей задачу... Действительность нам показала, что пока большая часть буржуазии роли „движущей силы“ не играет, пока социальное развитие не привело ее к необходимости играть такую роль, могло быть движение к перевороту, но не мог успешно осуществиться самый переворот“.

*) Курс. наш, слова г. Мартова. Перенося титул „носителя освободительных тенденций“ с пролетариата на буржуазию в современной России, г. Мартов—явное дело—отказывается выделять себя из тех „мелко-буржуазных элементов“, „новое тяготение“ которых правильно констатируется в цитате. Самосознание—прекрасная вещь!.. И я, признаться, с трудом понимаю, в чем разница между этим открытием г. Мартова и тем предложением о передаче либералам „политических функций“ рабочего движения, которым раз навсегда заклеймили себя авторы „Кредо“!..

Вот она либеральная философия истории русской революции! Почему поставленная историей задача не могла быть разрешена в 1905 г.?—Потому,— отвечает г. Мартов,—что роль движущей силы играли пролетариат и крестьянство, а не буржуазия. Тот, кто хочет учиться у „действительности", должен понять, что только переход роли „движущей силы" от пролетариата и крестьянства к буржуазии обеспечит осуществление переворота, буржуазия, а не пролетариат является в современной России „носительницей освободительных тенденций".

Не менее ясно формулирует это г. Левицкий в „Нашей Заре":

> „Неудача движения 1905—6 г. г. была обусловлена не „крайностями" левых (спасибо!.. Л. К.)... не „предательством" буржуазии, которая повсюду на Западе „предавала" (язвительные кавычки, видимо, по адресу „левых"—г. Левицкого, Л. К.), *а отсутствием оформленной буржуазной партии*, которая могла бы стать на место бюрократии.. Отсутствие такой партии привело к тому, что победа, достигнутая натиском пролетариата... не могла быть закреплена и реализована в виде определенного политического строительства"... (1911 г., № 3, стр, 62). *).

*) Рекомендую читателю г. Левицкого подумать над след. рядом положений. Неудача движения 1905—1906 годов была обусловлена отсутствием буржуазной партии, готовой стать у власти и тем „закрепить" победы пролетариата. Но не всякая буржуазная партия способна это проделать. По раз'яснению г. Левицкого, она должна для этого „иметь за собою поддержку народа" (там же). Но раз удача движения зависит от поддержки „народом" „буржуазной партии", то не должны ли люди, сочувствующие удаче движения, к каковым несомненно принадлежит и г. Левицкий, свои первые же усилия направить на то, чтобы

Хорош?...

Вот чему научила г-на Мартова революция. Ну что же? Об'яснять ли г. Мартову, что эти его слова есть полный переход на позицию либерала; говорить ли ему о том, что пути капиталистического развития бывают разные; что *всякий* путь этого развития *в большей или меньшей мере* несет освобождение от капиталистических форм; что переход роли „движущей силы" в руки буржуазии из рук пролетариата и крестьянства есть путь *наименьшего* освобождения; что переносить с пролетариата на буржуазию роль „носительницы освободительных тенденций"—значит перестать быть революционным социалистом и стать вульгарнейшим из меднолобейших либералов?

Пояснить ли читателю, что перед нами законченный ренегат революции? Полагаю, что он сам это видит.

Буржуазия должна заместить пролетариат и крестьянство в роли авангарда, гегемона, „движущей силы",—и тогда „переворот успешно осуществится", а „победы пролетариата будут закреплены и реализованы". Тогда-то и осуществится старинная мечта

этой именно партии обеспечить необходимую народную поддержку. Кажется, это было бы единственно логичным. Но, как же, скажет читатель, ведь г. Левицкий является ярым сторонником самостоятельной рабочей, хотя бы и открытой, партии. Как же он примиряет непримиримое? Ответ прост: его „самостоятельная" открытая рабочая партия не предполагает самостоятельности от вышеупомянутой буржуазной партии.

о „настоящей", „подлинной", „закругленной" (слова г. Мартова) буржуазной революции, прекрасно разрисованная меньшевиками, планы которой так некстати испортил в 1905 г. пролетариат своими „безумными выступлениями" и крестьянство своими „архаическими восстаниями". Все станет на свое место, успех движения будет гарантирован тем, что гегемония перейдет от пролетариата к буржуазии и все пойдет—наконец-то!—по тому расписанию, которое меньшевики тщетно предлагали в 1905 г. вниманию и пролетариата, и либерализма.

Теперь, когда я знаю позицию г. Мартова, я начинаю понимать страстные поиски ликвидаторов за „левеющей буржуазией". Теперь я знаю, что „левеющая" буржуазия для него не только неизбежный факт столыпинского режима, не только одно из условий, облегчающих борьбу пролетариата. В политическом мировоззрении ликвидатора „левение" буржуазии далеко не только это. Когда он пишет: „буржуазия должна полеветь", это значит—„буржуазия должна заместить пролетариат в роли движущей силы". Когда он продолжает: „буржуазия полевеет", это значит: „буржуазия заместит"; „левеет"—возвещает г. Дан, и не трудно догадаться, что ему кажется, что надежда на „замещени начинает исполняться, и—наконец — „полевела"! — значит — „заместила".

Но нисколько не желая оспаривать того, что „заяц, ежели его бить, спички зажигает", и что буржуазия, ежели ее теснить,—левеет, я все же решительно

протестую против того, чтобы заяц, хотя бы и битый, мог заместить „царя природы“, а буржуазия, хотя бы и „левеющая“, могла заменить пролетариат в качестве „носительницы освободительных тенденций“ и естественного „центра тяготения“ освобождающегося народа.

Роль, которую г.г. либералы из бывших марксистов приписывают новооб'явленному „центру тяготения“, особенно рельефно вскрывается в том, как они рисуют себе желательные отношения между пролетариатом, буржуазией и крестьянством. Если, как мы знаем, „комбинация“ „пролетариат и крестьянство“—„архаична“, „не соответствует ходу нашего хозяйственного развития“ и „неспособна осуществить и завершить переворот“,—то всяческих благ надо ждать от „комбинации“, в которой крестьянство будет идти за торгово-промышленной буржуазией. С одной стороны, „историческая необходимость“ ведет к „возрождению“ (а не к дальнейшему банкротству? Л. К.) русского либерализма на новой, более откровенно-буржуазной основе (Л. Мартов, „Возрождение“, 1910, № 6), с другой стороны, „будет уничтожен тот барьер, который до сих пор отделял бессильный буржуазный либерализм от первобытного утопического крестьянского революционизма“ (Мартынов, „Голос. Соц.-Дем.“, № 10—12), или, иначе и откровеннее, „городская буржуазная демократия должна стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства“ („Наша Заря“, 1911 г., № 3, стр. 62).

Это значит и не может значить ничего другого, как: долой пролетарско-крестьянскую программу аграрного переворота и да здравствует аграрная программа торгово-промышленного либерализма! Долой „наивный утопизм" крестьянской революции и да здравствует „трезвый реализм" помещичье-кадетского либерализма!

Таково, действительно, реально-политическое значение замещения в роли „носителя освободительных тенденций" пролетариата—торгово-промышленной буржуазией. Однако, это замещение есть лишь логический вывод из замещения кризиса революционного кризисом „конституционным", которое, в свою очередь, есть лишь другими словами выраженное, мнение о несоответствии победы крестьянски-пролетарского восстания интересам хозяйственного развития России, что, в свою очередь, неизбежно связано с отказом от „архаической" революции 1905—6 г. г. Цепь тут неразрывная: ликвидаторская, как и либеральная, критика Великой Революции ведется и может вестись только во имя интересов буржуазии. Либералы показывают дорогу нашим ликвидаторам, ликвидаторы расчищают дорогу либералам. Как мы видели, они делают это отнюдь не бессознательно, а по твердому убеждению, что ключ от положения не у пролетариата, а у либералов.

Поэтому, когда явился человек, который захотел дать политический итог всей цепи рассуждений, в течение трех лет развивавшихся г. г. Мартовыми, Данами, Мартыновыми на страницах „Голоса",

„Возрождения", „Новой Зари" и т. д.,— задача его была как нельзя более проста: ему оставалось зарегистрировать то, что уже было дано ликвидаторской мыслью.

„Октябрь 1905 г. не стоит на очереди"—писал Ларин в качестве этого регистратора. Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет безо всякой революции,—*просто в силу интересов* перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство и влиятельнейшей части *господствующих классов*. „Предстоит *конституционное* обновление". „Буржуазия пред'явит свои притязания на новую организацию государственной власти", „феодализм принужден будет уступить, *самоисчерпав* *) *себя*". Затем „борьба разных слоев господствующих классов между собой после того, как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного закона". Конечно, это не будет автоматическое „вростание". „Ничего у нас не „вростет" само собой в будущем, а все явится в результате серьезной и упорной борьбы". Но *„очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не для революции"*, не „в ожидании—революции", а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов"... **).

*) „Самоисчерпание реакции" это лишь другое выражение той же мысли о „разрешении лжеконституционализма в конституционализм". И то, и другое в равной степени утешительно и в равной степени служит переходом к утешительному выводу о том, что обойдется-де и без революции.

**) Ю. Ларин. „Возрождение", 1910, №№ 9—10, 11; „Наше Дело", 1911, № 2. Заметьте: не только рабочие, но и широкие

Как видите, здесь нет, поскольку дело касается политической проблемы, ни одного нового слова сравнительно с тем, что пропагандировали г.г. Мартов, Дан, Мартынов и т. д. Правда, г.г. Мартов, Дан, Миров (из „Возрождения“) склонны—по временам—допустить, что буржуазия—в процессе „конституционного обновления“ России—будет не только ползти, извиваясь (к чему больше склоняется г. Ларин), но иногда извиваться, прыгая,—но это не меняет общности их тенденций. Что же могли возразить г.г. Мартовы, Даны—Ларину? Естественно—ничего. Мартов лишь попросил Ларина—„не топить вопросов тактики в вопросе о текущем моменте“. А этот ответ означал, что, не имея ничего возразить против Ларина и обязанный—рука руку моет!, и ворон ворону глаз не выклюет!..—подчеркивать отсутствие у последнего „реформистских тенденций“ *), г. Мартов считает лишь более „политичным“ иногда помолчать там, где Ларину грозит бедой его „ясный язык“.

Для того, чтобы предпочитать свою собственную увертливость Ларинской ясности, у г.г. Мартова с Даном есть достаточные основания. Главное из них: под прикрытием этих увертливых формулировок

круги должны усвоить ту „руководящую идею“, что рабочий класс организуется не для революции. При чем тут „широкие круги“? Вероятно затем, чтобы, проникнувшись соответствующей идеей, эти круги сменили гнев на милость по отношению к рабочим. Предусмотрительно, Ларин!

*) „Жизнь“ № 1, стр 7. „Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется, не подозреваю“.

легче вести борьбу с партией революционного пролетариата, оставаясь внутри ее, легче пользоваться старым флагом для своей либеральной контрабанды.

Ибо ясная формулировка рассмотренных нами тенденций Мартова, Дана, Ларина, Мартынова, Левицкого и т. д. неизбежно приводит к вопросу: что общего у этих людей с пролетарской партией? Ибо ясная формулировка этих тенденций вопиет, можно сказать, к небу: господа, в нашей партии удобно расположились типичные либералы! Люди принимают в программе республику, а на практике пропагандируют отрицание нелегальной партии при столыпинщине; люди принимают в программе конфискацию, а на практике видят прогресс в присоединении крестьянства к аграрной программе торгово-промышленной буржуазии. Что это, политическое тупоумие или крайняя степень комедиантства?.. Конечно, тупоумие, поскольку они не предлагают *изменения программы*, конечно, рассчитанное комедиантство, поскольку формальное признание программы для них метод борьбы с революционной работой партии изнутри ее.

Их практическая же программа ясна: Россия *конституционно* обновляется, буржуазия *вползает* в эту новую Россию, а за нею *ползет* пролетариат, отнюдь не запугивая свою руководительницу буржуазию . . . „носительницу освободительных тенденций".

И это пропагандируется под флагом нашей партии.

Как тут не сказать: либералы и предатели революции расположились в пролетарской партии *слишком удобно*!

3. Не гегемония, а классовая партия.

„Чтобы общественный переворот мог завершиться, буржуазия должна стать его „движущей силой", „центром тяготения", „гегемоном",—таков урок, вынесенный ликвидаторством из опыта революции.

Но ликвидаторы знают и другое: они знают, что „политическим выразителем решительной демократической революции в России—являлся левый блок" *).

*) Череванин: „Современное положение и возможное будущее", стр. 242. К этому месту г. Череванин делает следующее примечание: „говоря о левом блоке, я имею в виду не сплоченную организацию с внутренней дисциплиной, к которой стремились, повидимому, большевики, а *фактический* союз революционных элементов пролетариата, крестьянства и городской демократии".

Я понимаю, что г. Череванину трудно признать то, что всегда говорили большевики, а именно, что решительная демократическая революция=„левый блок", и что победа решительной демократической революции=диктатура пролетариата и крестьянства. Но трудность этого признания не обязывала, казалось, г. Череванина говорить заведомую глупость о какой-то „сплоченной организации с внутренней дисциплиной". Внутренняя дисциплина сплоченной организации двух разных классов!... Это представление, „повидимому", способно возникнуть в голове лишь безнадежных тупиц.

Кстати, упоминая в связи с решительной демократической рево юцией о „городской демократии", г. Череванин, надо полагать, толкует не о кадетской „демократии", а о той,—другой,—которая оказалась способной стать в Москве на баррикады рядом с рабочими.

Так было, говорит ликвидатор, гегемоном в революции явился пролетариат; и оттого революция не победила,—вставляют г.г. Череванины, Мартовы, Даны и Ан'ы; в дальнейшем так не должно быть, пролетариат должен очистить место во главе освобождающегося народа — для буржуазии, продолжают они.

Критика теории гегемонии, как она сложилась в истории российской социал-демократии и критика практики гегемонии, как она сложилась в эпоху революционного кризиса,—становилась при этих условиях неизбежным моментом в пропаганде ликвидаторов, одной из главнейших исходных точек всего их политического построения.

Можно, поэтому, судить, много ли политического понимания проявили те люди, которые, как, например, В. Базаров, по виду выступая против ликвидаторства, об'явили „пустяками" спор о гегемонии.

Ликвидаторы поняли очень хорошо, что то или другое отношение к гегемонии есть *решающий* момент к политической тактике и даже в построении программы русских марксистов.

Поэтому-то они ополчились против этой идеи всеми теми силами, которые находились у них в распоряжении.

Череванин, Потресов, Мартынов, Кольцов, Мартов, Дан, Левицкий, Ан,—все, кому пришлось сталкиваться с темой: пролетариат в революции,—единогласно в форме ли осуждения его „революционных иллюзий", в фоне ли осуждения „переоценки

сил", в форме ли осуждения его „утопизма", осудили поведение пролетариата.

Ликвидаторам не понравилась та роль, которую играл в русской революции пролетариат; она и не могла им понравиться, как не могла она понравиться, скажем, кадетам или радикалам или „товарищенцам". Мы говорим именно о *роли*, об общей позиции, которую занял пролетариат среди борющихся со старым порядком сил общества и народа, а не о том или другом его тактическом шаге.

Но нет никакого сомнения, что эта роль была ролью гегемона.

Таким образом, выступая против той роли, которую сыграл в русской революции пролетариат, ликвидаторы должны были тем самым выступить против идеи гегемонии,—и, наоборот, их выступление против идеи гегемонии предсказано ни чем иным, как их отрицательным отношением к роли пролетариата в 1904—1907 г.г.

Таково единственное,—и достаточное,—основание для той борьбы против гегемонии, которую начали, вели—и должны будут вести—ликвидаторы.

Известно, что на этом пути критического и отрицательного отношения к идее гегемонии г.г. ликвидаторы имели предшественников. „Экономисты", авторы „Кредо", затем либералы-„освобожденцы" относились тоже отрицательно к этой идее; в ходе революции кадеты, бернштейнианцы, „беззаглавцы",—либералы, прогрессисты и оппортунисты всех видов и толков,—совершенно также об'явили виной

поражения русской революции все ту же позицию, занятую пролетариатом в революции.

Почему? Чем об'ясняется это отношение разумных врагов и неумных „друзей" рабочего класса к его „гегемонии"?

Оно об'ясняется тем, что либералы до революции предвидели, а в революции увидели, что гегемония пролетариата в революции не отвечает интересам буржуазии.

Именно поэтому все партии, кроме с.-д., приложили уже до революции все свои силы для того, чтобы оспорить, обессилить идею гегемонии в революции—для того, чтобы побороть или, по крайней мере, охаять эту гегемонию, а после революции—для того, чтобы на нее свалить ответственность за поражение движения.

Таким образом идея гегемонии неизбежно стала уже *в предреволюционную эпоху* тем оселком, о который испытывались действительная преданность социализму и действительное понимание пролетарского дела в России. Этого испытания не выдержали и многие из тех, кто считал себя призванным представлять интересы рабочих. Именно на этом пункте *уже в предреволюционную эпоху* разорвали с социал-демократией те, кто марксистской фразеологией облекал свою либеральную сущность.

И это было естественно, ибо вопрос о гегемонии был отнюдь не теоретическим, а самым практическим из практических вопросов русского революционного

движения; ход и исход русской революции зависел от того, кому будет принадлежать гегемония.

Это не значит, чтобы гегемония пролетариата в борьбе со старым режимом непременно означала победу революци. Нет. Даже при гегемонии пролетариата сил для победы могло оказаться недостаточно. Но это положение ничего не изменяет в том, что ход и исход революции определялся тем, кто станет во главе ее, какой класс ее поведет, какой класс окажет большее влияние на промежуточные слои,—в первую очередь,—на крестьянство: революционный пролетариат или либеральная буржуазия?

Не трудно теперь заметить: 1) что ликвидаторы не случайно уперлись в вопрос о гегемонии; 2) что их отрицательное отношение к гегемонии пролетариата в революции есть уже само по себе достаточное свидетельство их перехода с пролетарской на либеральную позицию, 3) что в этом отношении к гегемонии пролетариата они лишь продолжают традицию всех уходивших от марксизма к либерализму групп.

Спор о гегемонии отнюдь не есть только спор о том, кто сохранил или ликвидировал идейное „наследство" русской соц.-демократии 80-х и 90-х г.г.? Наоборот. Спор о том, кто сохранил и кто ликвидировал это идейное „наследство", есть лишь *отражение* спора о том, кто приемлет и кто отрицается наследства Великой Революции.

В этом смысле ликвидация идеи гегемонии (а заодно и тем самым „исконной идеи русского революционного марксизма" по сознанию г. Потресова),

предпринятая г.г. Потресовым и Мартовым под покровительством редакторов „Обществ. Движения“ и „Гол. Соц.-Дем.“, г.г. Мартова, Маслова, П. Б. Аксельрода и Мартынова — удовлетворяла прямой *практической* потребности. Отречение от революции требует и отречения от революционных идей *). Г. Потресов поступил логично, предприняв свою работу...

Но история лукава, как писал некогда П. Аксельрод, предрекая большевикам роль буржуазных демократов в революции. Действительно... лукава; только не всегда исполняет прорицания Аксельрода...

Людям, отказывающимся от революционных традиций социал-демократии, она подсовывает в качестве их действительного наследства то наследство „экономизма“, как г. Мартову, то наследство либерализма, как г. Потресову, то наследство г. Тихомирова, как г. Мартынову. Это — фатум, господа!.. Отказался от идеи гегемонии, отрекся от „пролетариата и революции“ и попадешь прямехонько в об'ятия то г. Изгоева, то г. Тихомирова, то г-жи Кусковой!..

Между всеми вышеуказанными наследствами то общее, что люди эти отчасти не хотели, отчасти не могли стать на такую точку зрения, которая

*) Г. В. Плеханов был совершенно прав, конечно, когда писал г. Дану, что „статья Потресова—laesae Revolution“, т. е. оскорбление революции (см. „Мой секрет“, стр. 22). Он только сильно ошибался, если предполагал, что этот аргумент может иметь значение для г-на Дана. „Ворон ворону глаз не выклюет“.

заставляет рассматривать все политические и экономические проблемы революции под углом интересов рабочего класса, а рассматривают пролетариат—всего только,—как один из необходимых элементов революции, как илота революции.

Это—две диаметрально-противоположные точки зрения: одна призывает пролетариат использовать процесс буржуазной революции в своих интересах; другая точка зрения есть точка зрения эксплоатированья пролетариата в интересах буржуазного переворота. В конечном счете эта точка зрения рассматривает пролетариат, как необходимое орудие буржуазного переворота, но орудие тем более целесообразное, чем более подчинено оно руководительству буржуазного либерализма, чем менее самостоятелен пролетариат в своей политической борьбе.

Отрицание гегемонии лежало в основе всей той оппортунистической тактики в революции, которая на деле вела к превращению рабочей партии в раба кадетизма. Именно оно, т. е. именно отрицание гегемонии—молчаливое или нет—на деле, в революции, определяло все лозунги и всю политику оппортунизма, именно оно на деле, в революции, приводило к тому отрицанию самостоятельной политики рабочего класса, которое было провозглашено „либералами в марксизме“ еще задолго до революции.

Но если связь между известным отношением к гегемонии и тактикой оппортунизма в *революции* не подлежит сомнению, то не менее ясна и связь между отрицанием гегемонии и тактическими

и организационными построениями ликвидаторов в эпоху *контр-революции*.

Мы видели, что отрицание гегемонии—логически неизбежный вывод из всей политической позиции наших ликвидаторов. Мы видели, что этот вывод неизбежно навязывается ликвидаторам (хотя бы в виде подмены революционного социал-демократического „наследства" „наследством" буржуазных либералов и радикалов) даже тогда, когда они от этого вывода стараются увильнуть. Посмотрим на тех, кто имеет смелость честно сделать этот вывод.

В том же 1908 г., когда г. Потресов налаживал пушку своего „исторического" исследования для „исторического" истребления идеи гегемонии г. Ан.,—виднейший меньшевик,—договаривал за г. Потресова, возвещая, что „идея гегемонии отжила свой век".

> „Если она была верна *для прошлого*, то это не значит, что она верна для всех времен, *в настоящем* и будущем".

В завязавшейся по этому поводу полемике с большевиком т. К. Ст., совершенно правильно вскрывшим программные и тактические последствия этой ликвидации, г. Ан. писал:

> „Изо всех обвинений в ликвидации, выдвинутых К. Ст. против автора статей (статей г. Ан.), только одно верно: — это ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего. (Бедняга не понимал, что этим признанием в ликвидации идеи гегемонии в движении „настоящего *и будущего* (!!)

предрешалась и правильность всех других обвинений т. К. Ст.!.. Л. Х.). Главный аргумент... изменение соотношения общественных сил, которое последовало за последние три года в связи с усилением экономической и вообще классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и дифференциации классов. Автор (т. е. Ан.) говорит, что во главе революции действительно стоял пролетариат, и если она не победила, это потому, что пролетариат не может стоять во главе буржуазной победоносной революции... пролетариат не может быть вождем победносной буржуазной революции" *).

Конечно, г. Ан. не хотел сказать, что пролетариат, не будучи в состоянии быть вождем „победоносной буржуазной революции", с успехом может выполнить роль вождя *не*победоносной буржуазной революции. Он только отстаивает ту новую (для марксистов; старую, очень старую для либералов) мысль, что для того, чтобы буржуазная революция была победоносной, место ее вождя должно быть уступлено (в его же собственных интересах, уверяет г. Ан.), пролетариатом буржуазии.

Г. Ан. сказал честно. Но не оскудели еще ликвидаторы „честными" врагами революционного пролетариата.

„Честным" оказался и г. Герасимов, меньшевик, специально тренированный во время оно г.г. Мартовым и Даном на изобличении „якобинизма" и „несоциал-демократизма большевиков" **). Теперь, продолжая то, чему его учили, и по отсутствию „гибкости

*) Статьи К. Ст. (т. Сталина) и Ан. (Н. Жордания) были напечатаны в „Дискуссионном листке", № 2. Париж, 1910 г.

**) См. его статьи в меньшевистских „Откликах" за 1907 г.

ума", рассказывая то, что учат скрывать „Г. С.-Д." и г. Мартов, он пишет:

> „Да, если „ликвидаторство" в рядах марксистов может в настоящее время иметь какое-либо значение, то именно то, что оно не столько проповедует, сколько не боится констатировать, что в ближайшую эпоху развития русского освободительного движения гегемония отнюдь не останется за пролетариатом. Самый факт нарождения и каждодневной консолидации буржуазно-демократических слоев и партий говорит о том, что „классическое положение русского марксизма" о гегемонии, выраженное в знаменитой формуле Плеханова, оставалось верным лишь до известного периода, лишь до того момента, покуда на арене общественной борьбы не было других сил *).

Видите, г. Герасимов согласен был терпеть гегемонию пролетариата до тех пор, покуда „не было других сил", но раз эти „силы" появились, то „положение о гегемонии" перестало быть „верным". Пожалуй, иной вольнодумец скажет г. Герасимову и г. Ан'у, что „положение о гегемонии" в том и заключается, что призывает рабочий класс *бороться с другими силами* за влияние на ход и исход общественного движения, т. е. за влияние на промежуточные слои что, поэтому, „положение о гегемонии" становится тем более верным, тем более важным, раз эти „другие силы" оказываются налицо, раз они „консолидируются", раз они пытаются взять в свои руки руль событий. Но на г. Герасимова это не подействует; он скажет, как сказали

*) Ст. Герасимова, „Киевские Вести", № 327.

и г. Ан., и г. Мартов, и г. Дан, и г. Потресов: то-то и хорошо, что этот руль переходит из рук пролетариата в руки других сил: „чтоб общественный переворот завершился, его движущей силой должна стать буржуазия“, скажет г. Мартов; „пролетариат не может быть вождем победоносной буржуазной революции“, повторит то же другими словами г. Ан.

А пролетариат? Ну, он, конечно, должен устраниться от какой бы то ни было борьбы за руль. „Его конкуренция с буржуазией за руль может лишь ослабить силу натиска, лишь испугать буржуазию, вообще повредить делу, как уже повредила в 1905—1907 году“, скажут вам все эти господа в один голос. „Пролетариат должен заняться „*своим*“ делом, предоставив буржуазии роль „центра тяготения освобождающейся нации“,—продолжат они в один голос с г. Герасимовым:

> „Если ликвидаторы отказываются от „гегемонии в общенациональной борьбе“, от „роли вождей в ней“, то ясно, что делают они это во имя укрепления своих действительных сил, имеющих свои собственные задачи и соответственно с этим свою „политическую линию“ каждодневной и некаждодневной борьбы... Отказ от гегемонии во всяком случае обозначает собою отказ от ряда теоретических и организационных примесей и элементов, всецело чуждых практике марксизма, как таковой, и внесенных в нее именно во имя „общенациональной“ борьбы“.

Или, как говорит г. Левицкий в „Нашей Заре“:

> „Если прежняя с.-д-ия была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая

будет классовой партией вступивших в свое историческое движение масс. (1910, № 7 стр. 103).

Вот он „весь, как нарисован верный раб“ либерализма, ученик Потресова и Мартынова, „наследник“ экономистов.

НЕ „гегемония в общенациональной борьбе“, **А** „свои собственные задачи“; **НЕ** „роль вождя“, **А** „свои собственные позиции“; „очищение“ марксизма от того, что делает его орудием пролетариата-гегемона и превращение марксизма в „брентанизм“, в идеологию узко-понятой профессиональной борьбы рабочих; **НЕ** революция, **А** чисто рабочее движение, хочется нам продолжить, вспоминая „Рабочую Мысль“.

Авторы цитированного нами „Кредо“, уходя к либералам, писали, думая, что они говорят на единственно правильном „марксистском“ языке:

„Ортодоксальные русские марксисты забывают, что *целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требуют от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях* *).

В точном переводе это значило: в царской России, до ее буржуазной революции пролетариат должен отказаться от мысли о том, чтобы взять в свои руки руководство „общенациональной“ борьбой, он должен ограничиться ведением экономической борьбы, отстаиванием „собственных“, узко-корпоративных интересов. Такой „марксизм“, который оправдывал

*) „Рабочее Дело“, 1899, № 4—5, стр. 17.

бы это самооскопление пролетариата, и казался либералам (не только авторам „Кредо", но и всем либералам и всегда) единственно „уместным и нужным в русских условиях". Такой, „иной" „марксизм", передающий руководящую роль в политическом движении буржуазии и замыкающий пролетариат в узкую область цеховой борьбы,—они готовы были благословить и пропагандировать.

Но такой „марксизм", „нужный" либералам, ничего общего не имел ни с ходом русского рабочего движения, ни с учением величайшего революционера всех веков, Карла Маркса. Это был *только либерализм,* советовавший пролетариату отказаться от самостоятельной роли на политической арене, уйдя в *свою* область „чисто рабочего" движения и предоставив эту арену в полное распоряжение либерализма.

Этот-то „иной", „уместный — на взгляд либералов—и нужный марксизм" и получает свое полное выражение в наших ликвидаторах. Читаешь г.г. Потресова, Череванина, Ан'а, Герасимова и думаешь: вот он „уместный и нужный" марксизм авторов „Кредо"; пролетариату—экономическая, цеховая борьба и борьба за „свои" „рабочие" требования, а гегемония в политической борьбе—либералам.

В чем дело, в этом столкновении революционного марксизма, зовущего пролетариат к гегемонии, и „иного", уместного марксизма" либералов, Потресовых, „Кредо", отрицающего гегемонию? А вот в чем.

Уже в революции 1905—1906 г.г. было ясно, что ход и исход ее определится в зависимости от того, за кем пойдут широкие народные, главным образом, крестьянские массы, за революционным пролетариатом или за либеральной буржуазией.

Пролетариату было выгодно,—а его „выгоды" и здесь, как и всегда, совпадали с интересами всего народа,—чтобы крестьянство стало на его сторону, пошло за ним, приняло его советы, им рекомендовавшуюся тактику. Буржуазии было выгодно,—и ее выгоды совпадали с интересами помещиков и Романова,—чтобы крестьянство шло за нею, прислушивалось к советам либерализма.

За влияние на крестьянство между революционным организованным пролетариатом и организованной либеральной буржуазией происходила борьба; это была борьба за гегемонию. Стоит развернуть отчеты первой и второй Дум *), чтобы убедиться, что *вся внутренняя борьба в них определялась ни чем иным, как борьбой с.-д. и к.-д. за то, за кем из них пойдут представители крестьян.* Крестьяне колебались между теми и другими, и эти именно колебания определяли исход каждого этапа революции.

В этой борьбе за гегемонию, окрасившей всю русскую революцию, вскрылось яснее ясного то,

*) Мы берем Думы, только как пример: та же борьба шла, конечно, и вне Думы, и по вопросу об отношении к самим Думам, и на выборах, сказывалась на ходе всего движения в деревне и т. д. Ход русской революции в 1917 г. и в 1918—20 г.г. целиком подтвердил этот взгляд на роль крестьянства.

почему либерализм уже заблаговременно рекомендовал пролетариату отказаться от идеи гегемонии и замкнуться в своих „собственных„ „чисто рабочих“ интересах. Кажется, это не требует пояснения. „Уместным и нужным“ казался либералам тот „марксизм“, который устранил бы с поля борьбы за влияние на крестьянство его соперника, опасного соперника,—революционный пролетариат.

Теперь не трудно сообразить, что кроется за спорами о гегемонии, не трудно сообразить, кому служит — пролетариату или буржуазии, революции или Столыпину — человек, который пишет: борьба за гегемонию со стороны пролетариата была ошибкой, пролетариату надо отказаться от этой борьбы, надо бороться лишь за „собственные интересы“, кто, наконец, приходит к выводу:

„Политическим центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия *).

Вот они, выводы „нужного и уместного марксизма“.

Это пишет „Наша Заря“ (1911 г., № 3, стр. 62) и тем окончательно вскрывает свою либеральную, анти-пролетарскую и анти-революционную позицию.

Но тут встает перед нами охранитель выгребной ямы ликвидаторства и заявляет:

„Не может теперь никакая группа социал-демократов выкинуть знамя чисто рабочего движения... Нам не

*) Вся тактика меньшевиков во второй революции (1917 г.) целиком предсказана в этом положении!

укажут таких „ликвидаторов", которые отвлекали бы интерес рабочих от Гос. Думы, или требовали, чтобы в Думе наши депутаты не старались занять самостоятельную с.-д. позицию во всех вопросах политики, чтобы рабочая пресса не касалась нерабочих интересов *).

Милостивый государь, вы опять передергиваете карты, то-бишь... в интересах ликвидаторства жонглируете словами и понятиями.

Скажите: то, что английские трэд-юнионы очень интересовались парламентом, производили — с своей точки зрения — оценку выставляемых кандидатов, требовали от тех из них, за кого подавали свои голоса, отстаивания в парламенте нужд рабочих, — избавляло ли все это их от упреков в том, что их знаменем является знамя „чисто рабочего" движения? Маркс и Энгельс очень зло разоблачали ту скверную политику вождей английских трэд-юнионов, которая делается под знаменем „чисто рабочего движения". Следуя их примеру, и русские революционные социал-демократы всегда указывали на то, что „чисто рабочее" движение отнюдь не есть отрицание политики, но только отрицание *социал-демократической* политики во имя *либеральной* политики рабочего класса.

Указывая на людей, выступающих с лозунгом „не гегемония, а свои собственные задачи", мы говорим: эти люди со своим знаменем „чисто рабочего движения" отрицают социал-демократическую политику рабочего класса во имя *политики же*,

*) Г. Мартов. „Гол. С.-Д.", № 23.

но либеральной. А г. Мартов кричит по этому поводу, надеясь, видимо, обезоружить противника: ликвидаторы не отрицают политики, они не отвлекают интересов рабочих от политики! Еще бы! Но,—да будет это вам известно, г. Мартов,—этого смешного обвинения в отвлечении рабочих от политики, которое вы хотели бы вложить нам в уста, мы не пред'являем даже и либералам. И это по той простой причине, что лозунг „чисто рабочего движения", которое одинаково пропагандирует в его противоположении „идее гегемонии" и либералы, и ликвидаторы, даже у либералов не подразумевает „отвлечения рабочих" от политики.

Знамя „чисто-рабочего" движения, которое г.г. либералы и ликвидаторы предлагают вниманию рабочего класса, есть *только* знамя либеральной политики рабочих, а она не исключает ни внимания к Г. Думе, ни статьей по нерабочим вопросам в рабочей прессе, ни даже „самостоятельности" рабочих депутатов (на манер „самостоятельности" рабочих депутатов трэд-юнионов в английском парламенте).

Поучитесь-ка, г. Мартов, у г. Изгоева: он очень хорошо понимает, о чем идет дело в ликвидаторском лозунге: „не гегемония, а чисто-рабочая политика", и он имеет то преимущество перед вами, что ему не зачем скрывать свои мысли. Поясняя своим читателям, почему ликвидаторство есть важное общественное явление, г. Изгоев пишет:

> „Успех русского рабочего движения для нас важен, как для конституционалистов. Именно в силу нашей

„буржуазной", конституционно-демократической сущности мы не можем относиться враждебно к оргнаизации пролетариата, самого сильного демократического элемента больших городов. Я допускал и допускаю, что это (организовать русский пролетариат) может сделать социал-демократия, *если* поймет необходимость внутренней реформы и найдет для этого силы" *).

Что же, г. Мартов, скажете ли вы, что г. Изгоев отрицает „политику" для рабочего класса, отвлекает их от интереса к Г. Думе и пр.? Конечно, нет!.. Наоборот. Он допускает и „марксизм", тот „иной", „уместный" марксизм, который отрицает гегемонию. Вы видите, он допускает даже, что для выполнения задачи организации рабочего класса нужна особая, специальная партия. Какая же?

„Что в стране с развитой капиталистической промышленностью—продолжает г. Изгоев—рабочий класс рано или поздно найдет формы своей организации, — это, конечно, бесспорно. Но будет ли иметь эта форма „вид германской или австрийской партии, английских трэд-юнионов или французских синдикатов", — „непримиримого интернационала" или „бернштейновского ревизионизма, легиновской политики, хождения „ко двору", вотирования бюджета, бельгийских кооперативов", — вот в чем вопрос для г-на Изгоева.

Вы видите, г. Изгоев совсем не отвлекает рабочий класс от политики—так же, как и ликвидаторы, г. Мартов,—он считает рабочий класс очень важным „для конституции",—в роде того, как вы его считаете очень важным „для революции, г. Мартынов,—

*) „Русская Мысль", 1910 г., август, статья „Вехист среди марксистов".

он только за то, чтобы этот класс усвоил себе тактику „не гегемона, а защиты собственных интересов“, чтобы он сменил роль вождя революционной борьбы на политику „английских трэд-юнионов“, на политику Ленина и т. д., и т. п., он только за то, чтобы революционный марксизм был сменен „иным“, „уместным и нужным марксизмом“ г.г. Потресова, Левицкого и Мартова, как это и проповедуют г.г. Ан'ы, Герасимовы, Маевские, „Гол. Соц.-Дем.“, „Наша Заря“ и т. д., и т. д. То-то была бы радость для либералов!...

Очень рельефно вскрывается общее понимание либералами и ликвидаторами „лозунга“: „не гегемония, а классовая партия в том совете, который г. Изгоев считает нужным дать нашей партии:

> „Самая настоятельная задача социал-демократов — выход из подполья“ (стр. 72, „Русская Мысль“, 1910, август).

„Не гегемония, а классовая партия, а отстаивание собственных интересов“,—говорят ликвидаторы.

Браво! — отвечает им г. Изгоев, — это значит политика ревизионизма, политика трэд-юнионов, отказ от 1905 г., открытая рабочая партия; такой— „иной, уместный“—„марксизм“,—таких социал-демократов мы,—либералы,—приветствуем, готовы им поручить и доверить организацию русского пролетариата; их борьбу против существующей партии всячески поддержим.

Почему же г.г. либералы так обрадовались лозунгу: „не гегемония, а классовая партия“?

Потому, что это есть лозунг либеральной рабочей политики; потому, что этот лозунг есть лозунг либеральной рабочей политики вообще и всегда, а в России—эпохи неизжитой демократической революции—в частности и *в особенности*.

„Не гегемония“ это—вообще, т. е. и в странах, переживших буржуазную революцию,—значит отказ от борьбы с либерализмом во имя влияния на промежуточные слои. Это в России значит отказ от борьбы с либерализмом за привлечение крестьянства к революционной борьбе.

„Не гегемония“ это—вообще—значит отказ пролетариата от роли передового бойца в борьбе со старым режимом. „Не гегемония“ это значит—в России—подчинение рабочего класса политическому руководству либералов.

При этих условиях „классовая борьба“—вообще—превращается из борьбы за социалистический переворот в борьбу за частичное улучшение положения рабочего класса. Социалистическая революция подменяется лозунгом: социальная реформа.

При этих условиях *противополагаемая* гегемония „классовой борьбы“ превращается в России из борьбы за полный демократический переворот в борьбу за постепенное расширение прав рабочего класса под игом режима 3-го июня. При этих условиях „классовая борьба“—вообще—превращается из революционной борьбы пролетариата с буржуазией

в постепенное выторговывание у буржуазии частичных реформ.

Но в Европе вы теперь не найдете ни одного кретина из самых закоренелых идиотов, заседающих в буржуазных парламентах и на профессорских кафедрах, который бы отрицал *такую* „классовую борьбу". А в России вы не найдете ни одного эксплоататора из октябристов, который всеми силами не распинался бы за *такую* „классовую борьбу".

Ибо люди, проповедующие „*не* гегемонию, *а* классовую борьбу" пролетариату, на самом деле проповедуют ему не классовую и не борьбу, а лишь мирный торг с хозяевами жизни за узко-профессиональные или мещанско-обывательские интересы.

К этому пришли ликвидаторы,—эти сторонники новой партии, приветствуемые всеми врагами революционного пролетариата. А придя к этому пониманию роли и задач пролетариата в современной России, они должны были внять совету г. Изгоева насчет *открытой* партии.

Политика гегемонии пролетариата есть политика революции. Отказываясь от гегемонии, пролетариат в политической области становится на точку зрения либерализма, ограничивая свою самостоятельность областью допустимого для либералов. Встав на точку зрения либерализма, ликвидаторство должно было,—как и либерализм,—устремиться на легальную арену, к образованию открытой партии. Ничего не могло быть логичнее этого. Для либерализма режим 3-го июня дает легальную арену, почему бы он

не мог дать ее и ликвидаторам, как две капли воды похожим на либералов. Ликвидаторы, правда, обожглись и никакой открытой партии еще не получили. Столыпин не имеет основания доверять рабочим даже тогда, когда за них ручаются ликвидаторы. Но сами-то ликвидаторы должны были логически упереться в идею открытой рабочей партии при столыпинщине: ликвидатор потому и либерал, что он набит либеральными иллюзиями.

4. Легализм и борьба за легальность.

Политическая группа, которая пытается построить свою практическую политику на выше разобранных представлениях о характере переживаемого Россией кризиса, о гегемонии и т. д., должна была придти к попытке построить новую, иную, чем наша, партию. Такая попытка—налицо перед нами. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в контр-революционной атмосфере уже вполне сложилась, оформилась, теоретически окопалась и исподволь ведет свою работу новая группа, организационно и идейно разорвавшая с Р. С.-Д. Р. П. и пытающаяся организовать рабочих на „чужой" (чужой по отношению к Р. С.-Д. Р. П. и по отношению к социализму) платформе чуждыми ей методами. Эта группа—есть группа сторонников образования открытой, легальной, законной партии среди рабочих.

Но раньше, чем перейти к ее окончательной характеристике, нам надо остановиться на одном очень важном пункте,

Социал-дрмократия никогда не отрицала и не отрицает использования легальных возможностей. Революционный пролетариат проявил бы слишком мало понимания своих интересов, если бы, вслед за анархистами, отвернулся от использования в своих классовых, т. е. в своих революционных, целях той „легальности", тех „прав", которые не может не предоставлять в его распоряжение современное общество.

Русская контр-революция, основанная на организации в национальном масштабе всех контр-революционных сил, не могла избежать общей участи, не могла не предоставить русскому пролетариату ряда хотя бы очень мизерных, „возможностей". Русский пролетариат должен их использовать в своих революционных целях. Он должен их использовать планомерно, всесторонне, терпеливо и упорно, постоянно работая над усовершенствованием методов этого использования, и ни пяди не уступая из того, что уже взято им с бою. Всякая политическая группа, которая бы попыталась удержаться в стороне от этого движения, в стороне от использования легальных возможностей, была бы очень быстро превращена ходом действительного движения в кучку сектантов и им же сметена с пути рабочего движения. Эта участь уже постигла группу „Вперед".

Но,—и в этом как раз суть дела,—иное дело использования столыпинских „легальных возможностей" нелегальной революционной партией рабочих масс, иное дело признание этих „возможностей",

этой столыпинской легальности единственной ареной действительного движения.

Иное дело: нелегальная партия революционного социализма, использующая бессилие контр-революции (ибо всякая легальная возможность для рабочих есть лишь обратная сторона невозможности для контр-революции ее прикрыть); иное дело: открытая партия, использующая для своих целей некоторые технические методы подполья. Пример последнего—кадетская партия.

Это партия несомненно „открытая": она действует лишь в пределах предоставленных ей возможностей, борясь (?) за их расширение всеми законными и только законными методами. Однако, это совсем не исключает того, что она пользуется подпольными методами в своей работе: она собирает свои конференции, собирает членские взносы несомненно путем „подпольным". Будучи, следовательно, открытой партией, работающей в пределах, отведенных ей законом „возможностей", она не отрицает и не может отрицать „подполья", как своего технического орудия.

Что следует из этого факта-примера?—То, что вопрос о характере партии и направлении ее деятельности решается не тем, признает ли она или не признает возможным и нужным обращаться к помощи подпольных методов, а лишь тем, какое *значение* придается этой партией подполью, где у нее, у этой партии, *центр тяжести* всей ее деятельности. Кто может сказать все *существенное* в пределах столыпинских „свобод", тому нечего делать

в подполье: он должен весь центр тяжести своей работы перенести в пределы законности. С другой стороны, раз здесь видит он центр тяжести,—это значит, что ему нечего сказать в подполье.

Либеральная партия может остаться либеральной партией и тогда, когда она прибегает к конспиративному методу переписки. Социал-демократическая партия в столыпинской России не может остаться социал-демократической, раз для нее в центре работы оказывается работа в пределах столыпинской легальности.

Еще раз: иное дело—*использование* пролетарской партией столыпинских возможностей, другое дело—*ограничение* партийной работы этими возможностями.

Пропаганда подобного ограничения до того чудовищна на взгляд всякого пролетария, что может возникнуть сомнение: существуют ли в действительности подобные „социал-демократы"? Однако, это именно так.

Начинать следует сначала, следовательно, с г. Мартова. Еще в № 13 „Гол. Соц.-Дем.", в статье, чрезвычайно ловко прикрывшей кучей революционных словечек легалистский характер его рассуждений, г. Мартов дал принципиальное обоснование легализма и первый выставил лозунг „борьбы за легальность", как руководящую идею для социал-демократов.

> „В свое время, лет 10 тому назад,—писал г. Мартов,—смешна была мысль о том, что, по мере роста массового рабочего движения, пролетариату удастся закрепить

свои частичные победы над своими врагами в форме завоевания отдельных политических прав... Революционная социал-демократия обязана была бороться с этой утопией, которая при превращении в практику могла вести только в подмену революционных задач пролетариата частными реформистскими лозунгами... Направление всей работы революционной социал-демократии в целом определялось предстоящей перспективой постановки в определенный момент политического вопроса всего целиком определенной форме: самодержавие или политическая свобода?"

Очень хорошо. 10 лет тому назад революционная социал-демократия была права, когда боролась с „подменом революционных задач частными реформистскими лозунгами" (завоевание отдельных политических прав), и сознательно вела всю свою работу в направлении постановки „всего политического вопроса в целом".

Но это было десять лет тому назад. Теперь, на взгляд г. Мартова, совсем наоборот! Теперь совсем не то!..

„Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет... кризисом конституционным... Двигаясь навстречу этому кризису, рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации".

Еще яснее эту мысль г. Мартов выразил ровно через год в „Возрождении".

„Классовый антагонизм „белой" и „черной" кости (дворянства и буржуазии. Л. К.) использован может быть прежде всего в том направлении, что бесправные „низы"

постараются реализовать для себя те формальные и фактические уступки, которые имущая „белая“ кость вынуждена будет делать имущей же „черной“. Таков смысл формулы „борьба за легальность“, которой пытались обобщить об'ективную тенденцию современного движения...“ Эта идея должна стать *„регулирующей идеей“*, проникающей собой все частные и частичные усилия...“ *).

Это как нельзя более ясно. Позвольте же спросить вас, читатель: что есть „борьба за легальность“ в понимании г. Мартова?

Точно повторяя его слова, вы должны будете сказать: „борьба за легальность“ по Мартову есть вырывание от поднимающейся к власти буржуазии частичных уступок для пролетариата, есть борьба за распространение на пролетариат 3-е-июньских привилегий буржуазии.

Это аутентичное раз'яснение смысла формулы „борьбы за легальность“ мы запомним, а покуда зададим себе вопрос: нужна ли такая борьба? нужны ли пролетариату частичные уступки, вырываемые у буржуазии? Конечно, нужны! Нужна ли пролетариату стачечная борьба? Конечно, нужна, очень нужна, очень важна.

Но имели ли бы люди, об'явившие „стачечную борьбу“ „регулирующей“ идеей своей партии, что-либо общее с социал-демократией? Нет, ничего бы общего не имели.

Имеют ли люди, об'явившие „борьбу за легальность“ в современной России „регулирующей идеей“,

*) „Возрождение“, 1910. апрель, № 6.

которой должны проникнуться „все частные и частичные усилия по отстаиванию „низами“ своего права на организационное существование“—что-либо общего с революционной социал-демократией, их задачи с задачами последней?—Нет, ничего общего не имеют.

„Вырывание частичных уступок у буржуазии“, борьба за распространение 3-е-июньских привилегий буржуазии на пролетариат,—ставши регулирующей идеей пролетарской политики, означало бы ее разрыв с революционными задачами пролетариата, означало бы превращение революционной социал-демократии в легалистскую партию социальных реформ. Образование подобной партии среди рабочих столыпинской России означало бы колоссальную победу духа контр-революции над революционным духом.

А, между тем, нет никакого сомнения в том, что идея „борьбы за легальность“, идея *легальной борьбы за частичные уступки*—пропагандируется г.г. ликвидаторами именно, как новый *принцип*, как руководящий и определяющий мотив их новой политики.

Мы видели заявления г. Мартова на этот счет в легальной печати, но не иначе, рассуждает и „Голос Соц.-Дем.“, этот нелегальный орган русского легализма.

В руководящей статье г. Дана этот орган прямо рекомендует социал-демократическим деятелям „*написать на своем знамени*“ „борьбу за легальность“. Г. Дан продолжает:

„Борьба за легальность, или, иначе, борьба за полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы, экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, *как одна из основных революционных задач борьбы рабочего класса в современной России*".

И несколькими строками выше:

„Именно такая постановка (широкая постановка вопроса о борьбе за легальность) должна определять собою все частные шаги рабочего авангарда..." *)

И еще в последнем № „Голоса" в связи со „столыпинским" кризисом, этим провозвестником краха всей системы,—перед лицом обострения всего положения, перед лицом нового государственного переворота, в момент, когда революционный характер задач движения вновь вырисовывается в достаточно выпуклых формах и когда пропаганда этих задач, казалось бы, становится обязательной даже для всякого вульгарного демократа, редакция этого органа провозглашает „борьбу за легальность" *исходной точкой* борьбы пролетариата, „каковы бы ни были дальнейшие ее перспективы" (№ 25, стр. 4, статья г. Мартынова).

Г. Столыпин совершает государственный переворот: „Голос Соц.-Дем." в ответ заявляет: „а мы будем исходить из легальности".

Может ли быть для г. Столыпина что-либо более приятное, а для нашей партии—что-либо более позорное, когда в ответ на его новые попытки

*) „Голос С.-Д.", № 19—20.

государственного переворота из рядов социалистов раздается — всего только лозунг: борьба за легальность.

Поистине только „столыпинские социал-демократы“ могут отвечать на столыпинское издевательство над законом, над всякой легальностью провозглашением борьбы за легальность „исходной точкой движения“.

„Борьбу за легальность“—может, по рекомендации г. Дана, „написать на своем знамени“ легальная партия реформ, но ее не может написать на своем знамени партия революционного пролетариата в России.

Читатель видит теперь, как правы мы были, когда указывали, что из ликвидаторской оценки текущего момента вытекает лишь такая схема развития; буржуазия ползет, поднимается к власти, за ней по ее стопам ползет отказавшийся от гегемонии, расставшийся с идеей революции пролетариат, торговывающий у своего гегемона, буржуазии, частичные уступки в виде откупного за свой отказ от революции, за свое самоограничение „истинно-рабочей“ политикой. Формулой *апологии* этого развития и является формула: „борьба за легальность“.

Как раз тогда, когда либерализм открыто об'явил себя лишь „оппозицией Его Величества“, ликвидаторство стало проповедывать, что рабочий класс должен занять по отношению к буржуазному либерализму такое же положение, которое либерализм занял по отношению к романовской монархии.

Либерализм не хочет быть чем-нибудь большим, чем „оппозицией Его Величества“, самодержца всероссийского, открытая партия ликвидаторов не хочет быть чем-либо иным, как „оппозицией Его Величества“, буржуазии всероссийской.

И г. Мартов был совершенно последователен, когда, продолжая в „Жизни“ свои „Заметки публициста“, начатые в „Возрождении“, указывал на то, что „формула борьбы за легальность“ есть основа

> „тактики, ставящей в центре открытое рабочее движение, стремящейся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущей внутри этого открытого рабочего движения—и только там—элементов для возрождения партийного бытия“ *).

Только там!... т. е. только в том, что разрешено столыпинской легальностью.

Не вправе ли мы были сказать, что непроходимая пропасть лежит между *использованием* столыпинской легальности в духе революционной социал-демократии и *ограничением* своих задач только тем, что эта легальность разрешает... в духе штемпелеванного либерализма.

И дело, тут, конечно, не в различной степени нелюбви к столыпинщине (можно надеяться, что степень этой нелюбви у г. Мартова приблизительно одинакова с нашей); дело в тех политических перспективах, которые связываются с образованием открытой рабочей (?) партии при столыпинщине; дело

*) „Жизнь“, № 1.

в том *анти*-революционном духе, который должен проникать и проникает все тактические и организационные взгляды людей, пришедших к идее открытой партии.

Для того, чтобы показать это, нет даже необходимости в подробном разборе идей сторонников открытой партии. Нет необходимости в логической критике и пристальном изучении, чтобы понять их *тенденцию*. Заранее можно сказать, что открытая партия, родившаяся в результате отказа от идей революции и идеи гегемонии, в корнях своих связанная с идеей частичных уступок, бросаемых пролетариату буржуазией, ползущею к власти,—что подобная партия явилась бы живым воплощением сокровеннейших мечтаний контр-революционного либерализма о желательном ему ходе рабочего движения. Подобная партия была бы точной или, точнее, ухудшенной копией с той партии, о которой не переставая мечтают г.г. Прокоповичи. Больше того. Этой партии, поелику она замещала бы в рабочих кругах нашу партию, не мог бы не сочувствовать Столыпин.

Партия, еще до своего формального конституирования понесшая в рабочую среду такую кучу ругательств против революционного подполья, которой, конечно, не мог туда донести ни один прямой агент Столыпина, партия, действующая в пределах законности и написавшая на своем знамени: „борьба за легальность", партия, руководящей идеей которой является урывание частичных уступок у буржуазии,

поднимающейся к власти,—это лучшее, чего бы мог ждать от рабочего класса г. Столыпин, если бы он верил в то, что рабочий класс будет действительно следовать планам г.г. из „Возрождения“, „Нашей Зари“ и „Голоса Соц.-Дем.“. Но, питая доверие к ликвидаторам, Столыпин не может доверять рабочим, точно так же, как, доверяя г. Дану, г. Милюков (во время второй избирательной кампании) был полон недоверия к петербургским рабочим.

От эксперимента с открытой рабочей (?) партией г. Столыпина предохраняют воспоминания о 1905 г. Но отнюдь не исключена раз навсегда возможность того, что кто-либо из октябристов,—столпов современной контр-революции,—почувствует родственную себе душу в современных „социал-демократических октябристах“, как почувствовал г. Изгоев родственную душу в г. Потресове.

Приручение рабочего класса, поскольку такая задача, вообще, станет перед „обновленнным строем“, не может идти иначе, как через открытую партию стиля г.г. Левицких и Данов. В этом заключается *реальное* значение тех идей, которые эти господа *несут* в рабочую среду.

Русский рабочий класс уже показал себя таким, что к нему нельзя,—хотя бы с мало-мальской надеждой на успех,—подойти иначе, чем набросив на себя плащ марксизма. Российская социал-демократия должна приложить все усилия для того, чтобы показать ему, что под плащом марксизма в контр-революционную эпоху могут оказываться не только

„веховцы", но и прямые пропагандисты октябристской политики.

Взгляните, напр., чему учат рабочих два главных органа открытой рабочей (?) партии в России,— „Наша Заря" и „Возрождение".

> „Нет—пишет „Возрождение" — никаких оснований утверждать, что легальная почва в наши дни слишком узка для того, чтобы рабочий класс избрал ее базой для своего организационного строительства и движения".

Этот чреватый многими последствиями вывод о достаточности столыпинской легальности для организационного строительства рабочего класса „Возрождение" пытается внушить русским рабочим и другим путем.

> „Иной читатель—предполагает „Возрождение"—скажет: итак, нас не напрасно называют „ликвидаторами": вы „несомненно ставите крест над партией", ибо восстановление ее в старом виде считаете неосуществимым, а предлагаемое вами строительство—создание открытой рабочей партии—немыслимо при современных условиях. *Вывод этот был бы правильным,—возражает „Возрождение",—если б можно было безоговорочно согласиться с последним положением*".

Нельзя выразиться яснее. Именно по поводу подобной пропаганды, обманывающей рабочих уверениями в возможности для столыпинщины потерпеть ту меру демократизма, которая потребна для создания открытой рабочей (?) партии, должно повторить слова Маркса о том, что „даже вульгарная демократия... стоит горою выше такого рода

демократизма в границах полицейски-дозволенного и логически недозволительного" *).

„Возрождение" рекомендует русским рабочим создать открытую рабочую (?) партию на базе современной легальности и в пределах современной законности. Для этого оно должно убедить рабочих в том, что современная законность и легальность „не слишком узка", что создание подобной партии возможно при столыпинщине. Но мало этого. *Оно должно убедить рабочих еще в том, что сильно* **заблуждаются** *те „подпольщики", те революционеры, которые думают,*

„—и это, по мнению „Возрождения", характерно для „подпольной психики",—что с данным режимом можно бороться, только всемерно и всецело отрицая его".

Вот, наконец, откровенное слово, которое вскрывает то, что действительно лежит в основе идеи открытой партии при столыпинщине!..

Социал-демократы всего мира полагают, что с современным режимом можно и должно бороться,

*) А ведь Маркс писал это по поводу—всего только—готской программы в которой, быть может, лишь неточные формулировки могли дать пищу для подозрений в недостаточной демократичности. В цитированных словах Маркс бичевал лишь те „уступки прусской реакции", которые он видел в некоторых сторонах лассальянства. Но даже и те ошибки „лассальянства". которые вызывали особенно резкую критику Маркса, никогда даже в самой отдаленной степени отнюдь, конечно, не давали почвы для тех обвинений, которые мы пред'являем нашим проповедникам открытой рабочей (?) партии, обманывающим

только „всемерно и всецело отрицая его“, что борьба с ним. которая основана не на всемирном и всецелом его отрицании. есть не революционная борьба, а „реформистское“ „штопанье дыр“.

Мешает ли это всемерное и всецелое отрицание существующего режима социал-демократам-революционерам превращать в орудие своей борьбы все те права и возможности, которые этот строй вынужден предоставить рабочему классу? Конечно, нет.

Русские социал-демократы Р. С.-Д. Р. П. полагают, что борьба со столыпинщиной должна базироваться на всемерном и всецелом отрицании современного режима. Значит ли это, что они должны отказаться от использования в своих целях всех „возможностей“ этого режима? — Конечно, нет! Но это значит, что все эти „возможности“ она рассматривает лишь как орудия борьбы, *отрицающей* современный режим *именно* всемерно и всецело.

Возможна ли рядом с этой борьбой, проникнутой всецелым и всемерным отрицанием современного режима, другая *тоже борьба*, не всемерно

рабочих насчет существа столыпинщины. В этом смысле нужно сказать, что, поскольку вообще допустима здесь аналогия (а она возможно только в узкой сфере отношения и „революции сверху“), наши легалисты взяли в лассальянстве как раз те его черты, которые вызвали ожесточенную и победоносную борьбу с ним со стороны марксистов. Беспощадно-строгий к лассальянским „уступкам“, что бы сказал Маркс по поводу тех действительных уступок столыпинщине, которые проникают, окрашивают, не могут не окрашивать всей пропаганды наших легалистов?

и не всецело отрицающая его? Конечно, возможна, и не только возможна, но и реально существует и ведется: это—борьба либерализма, борьба кадетская. Либерализм борется с современным режимом; он только не кладет в основу своей борьбы всемерного и всецелого отрицания столыпинщины. И либерализм,—так же, как и „Возрождение",—полагает, что подобное отрицание и борьба, на подобном отрицании зиждующаяся, могут быть лишь „характерным" продуктом—„подполья". Мы же оставляем за собой право думать, что подобное отрицание, определяющее и общий характер борьбы, есть лишь характерный признак—не „подполья",—а революционного отношения к действительности.

Что же выходит? В целях пропаганды открытой рабочей (?) партии г.г. легалисты должны внушить рабочим, что существующая легальная база „не слишком узка", что возможность создания подобной партии при современных условиях отнюдь не исключена, и, наконец, высказать свою тайную мысль, что *существующая легальность не узка и возможность открытого партийного строительства не исключена лишь для такой партии, которая откажется от „всемерного и всецелого" отрицания столыпинщины.*

Что верно, то верно. А последнее несомненно верно. Но этого мало Открытая рабочая (?) партия не есть только отрицание „всемерного и всецелого отрицания" столыпинщины. Она есть вместе с тем *„всемерное и всецелое отрицание* **революции,**

она есть—реально—пропаганда отказа от революционных традиций и лозунгов, она есть апология мирной „*классовой*“ (в струвистском смысле) „борьбы“ наших дней в *противовес* революционной пролетарской борьбе *вчерашнего* дня. Пропагандисты легализма и законности шага ступить не могут, чтобы не обрушиться на революционное прошлое русского пролетариата. Открытая партия ликвидаторов есть—реально, на деле—концентрированное выражение всей гнусности политического молчалинства, всей пошлости польского либерального крохоборства, всей дряблости бывших революционеров, у которых контр-революция выела душу живу. Отвергнутая рабочим классом, идея открытой партии при Столыпине останется постоянным памятником гниения интеллигенции в эпоху контр-революции, ее бессилия противостоять разлагающим влияниям последней.

Как мы видим, открытая рабочая (?) партия исторически и логически связана в своих корнях с отрицанием революции, с отказом от идеи гегемонии, с трэд-юнионистским пониманием рабочей политики. Вне этих идей она лишена всякого конкретного содержания. Мало того. Эта идея, из каких бы источников она ни возникла, неизбежно должна стать в современной России своего рода концентрационным пунктом оппортунизма и „веховства среди марксистов“. Идеи, как и книги, имеют свою судьбу, предопределяемую не только их происхождением, но и той обстановкой, в которую они попадают.

Непонимание этого обстоятельства может сделать смешными самых серьезных людей. Человек, который увлекся бы в данный момент идеей открытой рабочей (?) партии и пытался бы в то же время остаться на точке зрения революционного социал-демократа, показал бы лишь, пример жесточайшей, грубейшей непоследовательности. Пытаясь примирить легализм с рев. социал-демократией, он свидетельствовал бы лишь, что он *лучше* своих идей. Но идеи имеют свою логику, и логика открытой партии, как мы могли видеть, прямым путем ведет к полному разрыву с задачами революционного пролетариата России.

Молчалин Грибоедовской комедии особенно отвратителен не тогда, когда он, молча сгибает спину, а тогда, когда он философствует, создавая теорию молчалинства.

Современный Молчалин в марксисткой среде особенно отвратителен не тогда, когда он сгибает колена под ударами контр-революции, а тогда, когда он свое коленопреклоненное положение старается поставить превыше всякого другого.

Послушайте современных Молчалиных „Нашей Зари“:

> „Все это, вместе взятое, обусловило элементарность массового рабочего движения... проявлявшегося преимущественно в стихийных формах, исключительно в *непосредственном* напоре на противника. Более сложная и гибкая классовая тактика... была неизвестна... Собственно говоря, только с 1905 г. в России стала возможна действительная политическая борьба рабочего

класса, в западно-европейском, марксистском, а не бланкистском смысле слова, как классовая самодеятельность сознательного передового слоя пролетариата.. Рабочий класс был тараном, управляемым интеллигенцией, который прорывал бреши в крепости старого порядка. Теперь, когда эти бреши... сделаны, рабочему классу „впору"... эмансипироваться от своего „героического прошлого". ликвидировать „подполье" и „перейти к очередному историческому делу"; к „созданию открытой рабочей партии", хотя бы даже такой, какая возможна в столыпинской России" *).

Разверните „Вехи", читатель. Читайте. Рабочее движение в России было „элементарным", „стихийным", вместо „гибкой" тактики вело „непосредственное" нападение на противника. Да—это „Вехи". Рабочее движение изменяло „чисто классовым" интересам. Оно стало на путь бланкизма. Было тараном в руках интеллигенции. Да, „Вехи", „Вехи"! Теперь оно должно эмансипироваться от своего прошлого, познать свои „чисто-рабочие интересы", свергнуть „гегемонию" революционаризма, организоваться открыто для легального отстаивания своих профессиональных интересов...

От слова до слова—„Вехи", с веховским противопоставлением „чисто-классовых" интересов („которых мы не отрицаем"!) интересам гегемонии в революции, с веховским противоположением „стихийной", „непосредственной", революционной борьбы — „гибкой" тактике; „действительной политической борьбы в западно-европейском смысле" — революционному

*) „Наша Заря", 1910 г. №_7, стр. 94, 99, 100.

движению 1905 г., западно-европейского „марксизма“— „русскому бланкизму“ (сколько слез пролили г.г. Струве, и Изгоевы, по тому поводу, что русские социал-демократы забыли „марксизм“, бросившись в революцию!), веховским противопоставлением „интеллигентского подполья“ — „самодеятельности“, злых стихий революции—доброй стихии легализованного профессионального движения...

Хороший переписчик веховских идей выработался из бывшего социал-демократа, нынешнего столпа „Нашей Зари“ и „Возрождения“, г. Левицкого, глашатая открытой партии.

Борьба за легальность и открытая рабочая (?) партия, два неразрывно связанных друг с другом лозунга,—есть попытка контр-революционных, „веховских сил“ организовать при помощи ренегатов социал-демократии рабочее движение по образу и подобию своему.

Как видит читатель, наше отношение к существующим легальным возможностям не имеет ничего общего с нашим отношением к пребывающему в головах легалистов плану создания открытой рабочей (?) партии. Призывая использовать легальные возможности, призывая к работе по превращению этих „возможностей“ в опорные пункты социал-демократической работы, мы настаиваем на том, чтобы их использовала революционная социал-демократия, а не организация легалистов.

Действительная „легализация“ рабочего движения по западно-европейскому типу невозможна в России

вне коренной ломки всего существующего строя. Этого могут не видеть разве только люди с либеральными шорами на глазах или своекорыстные защитники столыпинского режима. Только либеральная ограниченность в понимании характера современного рабочего движения или сознательное стремление к обману рабочего класса может подсказать пропаганду открытой рабочей (?) партии для данного момента.

Возможна ли открытая рабочая партия при Столыпине? И да, и нет. В контр-революционную эпоху возможно все контр-революционное; возможна и партия, реальный смысл которой—в противопоставлении себя старой партии, ее традициям, ее духу, которую будут терпеть постольку, поскольку *она будет орудием борьбы с Р. С.-Д. Р. П. и ее духом.* Но она невозможна, как массовая рабочая организация, ибо подобная организация непримирима с „обновленным строем" даже тогда, когда она создана на почве контр-революционных идей и настроений, даже тогда, когда она добровольно ограничивает себя границами „закона". Судьба профессиональных союзов наглядно это последнее иллюстрирует.

Мы убеждены, что „подполье", умевшее в свое время охватить десятки тысяч рабочих и поставившее под свое знамя миллионы их, есть для настоящего времени гораздо более *широкая* возможность, что оно открывает перспективы гораздо более *массовой* организации, чем столыпинские „возможности". Конечно, речь идет не о „заговорщическом подполье",

по типу хотя бы организации Р. Р. S., осенью 1909 г. принявшей резолюцию по организационному вопросу, начинающуюся следующим пунктом:

> „1. Вся организационная работа партии должна состоять в образовании кружков, составленных из отборных лиц". (Этот же тип организации несомненно лежал в основе организационных взглядов группы „Вперед").

Повторяю, речь идет не о таком „подполье", а о подполье социал-демократическом, том самом „подполье", которое умело еще задолго до октябрьских дней на своих „биржах" (в Западном и Юго-Западном крае) и „массовках" собирать действительно массы.

Современные средства воздействия, в значительной степени расширенные использованием легальных возможностей в области прессы, в области организации и—особенно—живого социал-демократического слова с думской трибуны, дают достаточное основание предполагать, что *перевооружившееся* подполье при малейшем под'еме рабочего движения призвано будет стать действительным центром и руководителем движения.

Действительно массовое рабочее движение в современной России может пойти лишь по пути революционному, по пути ломки столыпинской „легальности". Другого пути для него еще нет. По другому пути могут пойти лишь группки *легалистов-независимцев*, которые могут сколько угодно кричать об открытой *рабочей* партии, которые

очень легко могут быть использованы г.г. Столыпиными, но которые неизбежно должны будут в конце концов на деле явить такой же пример оторванности от масс, который, подводя итоги прошлому, констатирует г. Левицкий.

> „Меньшевизм, в силу своей оторванности от масс практически еще меньше мог руководить массовым движением,—пишет ныне г. Левицкий,—чем большевизм. Его безукоризненные в политическом и тактическом отношении лозунги большей частью оставались в виду своей сложности чуждыми и непонятными политически мало развитым русским рабочим массам. Вот почему в дореволюционный период, да, за немногими исключениями и после большевики имели большее влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения. Организационные же построения меньшевиков в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством *)".

Как мы видим, с меньшевиками, пародировавшими в дореволюционную и революционную эпоху, в качестве неизменных защитников „демократизма",

*) Наша Заря", 1910 г., № 7, стр. 93. Г-н Мартов любит посравнить большевиков с „де-леонитами", поговорить о сектантстве, оторванности большевиков от масс и т. д., и т. п. Памятуя выше цитированное признание врага, мы можем спокойно смеяться над усилиями г.г. Мартовых. Понимают ли они, что сказал г. Левицкий и что представляет неизгладимый уже факт истории большевизма? Он сказал, что в самую славную, самую боевую, самую великую эпоху русского рабочего движения, в эпоху, когда его движение приобрело всемирно-историческое значение, его выразителями и руководителями явились большевики. С нас этого довольно... и пусть г. Мартов толкует в собственное утешение о де-леонитах, сектантах и „социалистах против рабочих"...

„широких организаций", широкого рабочего движения, „самодеятельности" и прочих хороших, великолепных вещей,—произошла печальная история. Они остались без масс. У них была очень хорошая программа действий, только... не для русского пролетариата. Вот они, именно—де-леониты худшего вида, ибо де-леониты—от'единились от массового рабочего движения на платформе узко, по-сектантски понятого *марксизма*, а наши де-леониты от'единились от революционного движения пролетариата на платформе... „незапугивания буржуазии" и „блоков с либерализмом".

Но это—между прочим. Мы привели этот пример самопознания меньшевизма для того, чтобы иметь право сделать предсказание, что придет время, и всем станет ясным „надуманный", „доктринерский", интеллигентский, никакого отношения к массовому рабочему движению не имеющий характер „открытой рабочей (?) партии" г.г. легалистов. Тогда эта партия войдет в историю размагниченной, по-революционной, мелко-буржуазной интеллигенции, пытавшейся успокоиться на контр-революции и нашедшей прибежище в рабочелюбии, а не в историю рабочего движения.

Конечно, нельзя отрицать наличности в русском рабочем классе трэд-юнионистских тенденций, нельзя отрицать и того, что промышленный под'ем может эти тенденции на момент усилить. Нельзя отрицать также того, что давление политического крепостничества способно на время стушевать в сознании

тех или других групп пропасть между либеральной и социал-демократической политикой и создать иллюзию единства цели там, где его нет и в помине. Но это только подчеркивает ту позицию, которую Р. С.-Д. Р. П. должна занять перед лицом пропагандистов и организаторов открытой партии.

Это позиция непримиримого разоблачения либеральной подкладки подобной пропаганды, непримиримой борьбы со „столыпинскими социал-демократами", неустанной организации рабочих в борьбе с буржуазными влияниями.

В современном обществе пролетариат страхуется от проникновения в его среду мелко-буржуазных влияний лишь растущим обострением противоречий современного общества. В Столыпинской России гарантией против успехов легалистов-независимцев служит то, что для движения рабочих рабочих масс не может стать знаменем ни существующая легальность, ни „борьба за легальность". Теперь, как и десять лет тому назад, мы можем сказать: перед рабочим классом России стоят революционные задачи и, в то же время, революционные задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены лишь под руководством революционного пролетариата.

Опираясь на это положение, на об'ективные тенденции, толкающие русский рабочий класс на путь непримиримой борьбы с контр-революцией, наша партия должна сознать, что то дело, которое она призвана делать в рабочей среде,—диаметрально

противоположно делу сторонников „открытой рабочей (?) партии". Первую с последней об'единяет лишь то, что обе они хотят работать в одной и той же, рабочей среде. Но не трудно заметить, что именно это, как бы об'единяющее их, обстоятельство должно только во много раз усилить их разделение.

Задача текущего момента для нашей партии в том, чтобы не допустить возникновения в рабочей среде рядом с собой партии порвавших с революцией легалистов.

Выполняя эту задачу, она, идейно и организационно размежевавшись с последними, вновь соберет под свои боевые знамена массы, которых никакая контр-революция не сумеет отучить от верности этим славным знаменам.

5. Ликвидаторство и ревизионизм.

Условия русского рабочего движения таковы, что хотя бы *словесная* преданность ортодоксальному марксизму до сих пор остается необходимым элементом всякой группы, апеллирующей к рабочим. Сознание этого обстоятельства накладывает специальный отпечаток и на физиономию нашей новой партии. Впрочем, в пользу этого действуют еще два обстоятельства: во-первых, происхождение лидеров этой партии из рядов интеллигенции, в свое время отброшенной к *революционному* марксизму революционным характером момента и сногсшибательной быстротой

происшедшей у всех на глазах эволюции русских ревизионистов в либералов; во-вторых, пример полной изолированности от массы откровенных бернштейниацев в России. Пример, который хоть у кого отобьет охоту щеголять в неприкрыто ревизионистском виде.

Не даром, ведь, г. Потресов до сих пор козыряет „непримиримым Интернационалом“, никого уже, впрочем, не будучи в состоянии ввести в обман, на который рассчитана эта фальшивая карта *).

Но, в конце концов, логика положения всегда сильнее суб'ективных настроений и „уроков“ истории. Долгое время лидеры нашего ликвидаторства представляли образчик типичного оппортунизма на русской почве, прикрытого внешнем ортодоксализмом. Неизбежная при этом двойная бухгалтерия яснее всего сказывалась в том, что, будучи оппортунистами в русских делах, эти господа всеми силами стремились „родными счесться“ с вождями революционного марксизма на Западе.

Но долго это положение продержаться не могло. Система прикрывания ортодоксальными словами и словечками своей оппортунистической сущности должна была прорваться, и сразу прорвалась по нескольким пунктам. Все явственнее и явственнее ликвидаторство отдает свои симпатии и на Западе

*) „И кого, г. Потресов, вы своею „непримиримостью“ провести хотите? Ни Ленина, ни Плеханова вы не провели. Отлично знаю и я цену вашей „непримиримости“. Эта оценка принадлежит „Русской Мысли“.

„практицизму“ и „умеренности“ оппортунизма перед „догматичностью“, „прямолинейностью“ и „узостью“ революционного марксизма. На Западе, в практике западного движения новая партия, естественно, должна искать подтверждения и оправдания *своего* образа действий; естественно, что она находит их в деятельности и в теориях реформистов, естественно, что она неизбежно при этом враждебно сталкивается с революционными, ортодоксальными марксистами.

Ликвидаторство, теперь уже и в области теории, и в области своего отношения к рабочему движению на Западе все яснее окрашивается в цвет беспримесного ревизионизма и реформизма. Двойная бухгалтерия, прикрывание российского оппортунизма ортодоксальными фразами и подчеркнутыми симпатиями к левому крылу Интернационала, оказалось, как и следовало ожидать, не под силу ликвидаторам. В области оценки различных тенденций западноевропейского рабочего движения—это особенно ясно. И так как мы не можем здесь входить в подробности, мы ограничимся покуда лишь несколькими примерами из этой области.

а) Г. Мартов и К. Каутский.

Корней современных идейных расхождений между русскими марксистами и их противниками, как мы уже неоднократно указывали, следует искать в русской революции, в различном отношении к последней со стороны различных групп и направлений. Так

и здесь. Корней все более явственного разрыва с ортодоксальным западно-европийским марксизмом наших современных ликвидаторов надо искать в той позиции, которую по отношению к руской революции заняли такие виднейшие и авторитетнейшие в русских делах представители левого ортодоксального марксистского крыла Интернационала, как Карл Каутский и Роза Люксембург. Позиция этих деятелей резко разошлась с тактикой меньшевизма. Эта позиция всего больнее била, конечно, тех из представителей последнего, в которых давно уже лежали те „добрые задатки", которые привели их в скором времени в лоно ликвидаторства. Разрыв с ортодоксальным марксизмом, наметившийся уже в предшествовашую эпоху, теперь—в эпоху ликвидаторства—вырисовался вполне определенно. И здесь роль первой скрипки пришлось сыграть г. Мартову. Еще в 1907 году, своей статьей, направленной против оценки русской революции, данной Каутским, он показал, что его понимание марксизма сильно расходится с пониманием Каутского. Уже тогда только „международная вежливость" могла помешать г. Мартову приложить к Каутскому всю ту сумму более или менее одиозных эпитетов, которые на его языке свидетельствуют об отступлени большевиков (и Каутского) от марксизма.

С тех пор Каутский не изменился, но г. Мартов значительно подвинулся вперед, и теперь он уже не стесняется характеризовать *себя* тем, что считает воззрения Каутского *синдикалистскими*.

Это заявление г. Мартова, тем более характерно, что оно базируется на расхождении Мартова с Каутским по некоторым основным вопросам марксистской политики.

Споря с Каутским, г. Мартов пишет:

> „Мы видим, что германская социал-демократия впервые после 40 лет получила известные основания рассчитывать на такое прогрессивное движение демократической буржуазии, которое позволяет ей пробить некоторые бреши в твердыне прусско-германского абсолютизма... Прямолинейное представление об „изоляции пролетариата", (которое-де развивает Каутский в „Neue Zeit". Л. К.) должно было бы вести к *синдикалистским* выводам о конечном пункте рабочего движения, а не к тем, которые принимает Каутский, и, вообще, „ортодоксы". Нетрудно было бы в творениях синдикалистских теоретиков найти этому подтверждение" *).

Читатель видит, что г. Мартов пред'являет к Каутскому то же обвинение в политике „изолирования пролетариата" в германских условиях, которое им неоднократно пред'являлось к русским революционным социал-демократам, применительно к условиям русским. Приятно быть посаженным на скамью подсудимых по тому же пункту, по которому обвиняется Каутский. Особенно это приятно тогда, когда, читая обвинительный акт, видишь, что он представляет собою не что иное, как рабское повторение общих мест оппортунизма.

Чем вызвано обвинение Каутского Мартовым в „прямолинейном представлении", которое „должно

*) Сб. „Вершины" СПБ. 1909, стр. 306, курс. г. Мартова.

было бы вести к синдикалистским выводам"? Как видно из вышеприведенных слов г. Мартова—тем, что Каутский, на его взгляд, не дооценивает „прогрессивного движения демократической буржуазии". Какой знакомый мотив!.. И давно знакомый не только нам, большевикам, но и всей революционной социал-демократии. Ибо, ведь, „реформистское" движение зародилось, шло и идет именно под знаменем протеста против недостаточной оценки революционными социал-демократами значения „прогрессивного движения демократической буржуазии", протеста против так называемой „изоляции пролетариата". Реформизм многообразен и захватывает целый ряд областей, но его *политическим* выражением всегда являлись попытки наладить с „демократической буржуазией" другие отношения, чем те, которых держится революционная социал-демократия, социал-демократическая „Гора". Доказательства этому приносит каждый день, каждое выступление ревизионистов.

Г. Мартов выступает против Каутского как раз в том пункте, который является постоянным центром обстрела для всего международного оппортунизма, размежевывается с Каутским как раз по той линии, которая на деле, на практике, является основной линией размежевания революционной и оппортунистической политики. Он поддерживает ревизионистов против „ортодоксов" как раз в том основном пункте (отношение к „демократической буржуазии"), по отношению к которому вся дальнейшая

оппортунистическая *тактика* является лишь неизбежным логическим выводом.

Г. Мартов—осторожен. Поэтому, выступая вполне в стиле оппортунистов против „синдикализма" и „прямолинейности" Каутского, г. Мартов ссылается на... „Коммунистический Манифест". Поэтому же он лишь очень осторожненько следует за ревизионизмом в его конечных практических выводах. Но эта предусмотрительная осторожность в защите тактических выступлений ревизионистов отнюдь не спасает его от того, чтобы всякий удар марксистов по ревизионистам оставлял явственные следы на его боках...

Тому наглядный пример—уже цитированная нами статья г. Мартова в „Вершинах". В своей большей части она посвящена обсуждению дебатов на Нюренбергском партейтаге по поводу голосования бюджета. Все рассуждения г. Мартова по существу этого вопроса направлены к тому, чтобы показать, что голосование бюджета—есть тактический прием, что голосование с.-д. за бюджет допустимо раз есть налицо „*деловые* основания". Осторожно, но достаточно ясно дает здесь понять г. Мартов, что всякая попытка отвергнуть голосование за бюджет по *принципиальным* основаниям не может выдержать критики. Он считает, что „ортодоксы" не опровергли и не могли опровергнуть „серьезной критики" Нюренбергской резолюции, которая, как известно, подчеркивает, что по *принципиальным* соображениям социал-демократы обязаны голосовать против бюджета, критики со стороны оппортуниста Кейля, настаивавшего

на том, что систематическое голосование социал-демократии *против* „напоминало бы поведение быка, попавшего в посудную лавку". Смысл его намеренно-путающих вопрос рассуждений, однако, недвусмыслен: он считает Нюренбергскую резолюцию слишком *суживающей* возможность голосования социал-демократии за бюджет, а самое голосование *за*—приемом совершенно допустимым, раз для этого есть достаточные так называемые „*деловые*" соображения.

Этим г. Мартов предвосхитил всю аргументацию, которую через год развернули германские оппортунисты в защиту поведения баденцев. Революционные социал-демократы, во главе с Бебелем, оказались на другом полюсе; в повторных голосованиях за бюджет они увидели именно нарушение *принципа* и принципа настолько серьезного, что не остановились перед угрозой исключения из партии нарушителей его.

Товарищи, голосовавшие за бюджет,—говорил в Магдебурге Бебель в своей классической речи,—„приводят в защиту своего поведения целый ряд соображений *). *Но если даже привести в десять раз больше соображений, которые все были бы столь же основательны,* сколь неосновательными я считаю приводимые ими, то и в этом случае поведение баденских товарищей все же было бы неправильно". Почему? Потому, что голосование бюджета есть вопрос принципа,—отвечал Бебель.

*) Дело идет как раз о тех так называемых „деловых" соображениях, которыми г. Мартов готов оправдать голосование за бюджет.

Вы видите, что Бебель придерживается в вопросе о „деловых“ соображениях и принципах при голосовании бюджета взглядов, которые диаметрально противоположны взглядам „деловых“ людей в роде г. Мартова. Но своей речью Бебель не только разрушил до основания все рассуждения г. Мартова,—конечно, Бебель имел дело не с ним, а лишь с его нынешними учителями,—насчет „деловых“ оснований для одобрения бюджета социал-демократам, насчет неопровержимости Фольмара и Кейля, насчет „быка в посудной лавке“; своей речью и своей резолюцией Бебель еще более сузил „узкую“—на взгляд Франка Кольба и Мартова—Нюренбергскую резолюцию.

Что оставалось делать г. Мартову?—Промолчать! „Голос Соц.-Дем.“ ни слова не проронил о Магдебургском партейтаге и о речи Бебеля, предоставив „Делу Жизни“ по ближайшему же поводу реабилитировать Мартова заявлением о том, что Бебель—„стар“, а ревизионизм—представляет „здоровое чувство“ масс. К этому мы сейчас вернемся, а покуда перейдем из Германии во Францию, от „синдикалиста“ Каутского и „неделового“, „прямолинейного“ Бебеля к „эрвеисту“ и „анархисту“ Гэду.

б) „Голос С.-Д.“ и Ж. Гэд.

Ни на минуту не затихающая борьба марксистов и оппортунистов во французской секции Интернационала за последнее время особенно широко развернулась в связи с вопросом об отношении к правительственному законопроекту о „рабочих пенсиях“

(страхование от старости). В то время, как марксисты (вместе со Всеобщею Конфедерацией Труда) видели в этой „реформе“ образчик буржуазного обмана рабочих и типичный продукт плутократического мошенничества за счет рабочих Жорес прозрел в ней—„величайшую реформу века“. Различная оценка вела к различной тактике социалистов: жоресисты настаивали на голосовании социалистов в парламенте за свою „величайшую реформу“, гэдисты,—с которыми в данном случае сошлись представители профессиональных организаций,—настаивали на том, чтобы парламентская фракция решительно отказалась приложить свою руку к этому „мошенничеству“. „Голос Соц.-Дем.“ занялся вопросом для того, чтобы... поддержать жоресистов.

В специальной статье (№ 19—20) „Голос“ русского оппортунизма напал на гэдистов; гэдисты-де „не нашли правильной линии поведения“, „об'ективно голосование против законопроекта (что отстаивали гэдисты) направляется против социализма“, „гэдисты склонились к ошибочной тактике“, гэдисты „солидаризировались с анархистами“, „пошли за эрвеизмом“. „Приходится голосовать за законопроект“, поучал гэдистов „Голос“, на деле принимая тактику Жореса.

Г. Мартов, этот специалист по прикрыванию оппортунизма, набивший себе руку на маскировании оппортунизма на практике якобы—ортодоксальным глубоко...словием, немедленно же создал, конечно, специальную теорию, долженствовавшую прикрыть

жоресистскую тактику расшаркиванием перед гэдизмом. Единым духом он дал формулу, оправдывающую весь „оппортунизм на практике".

> „Будучи безусловно правы в принципиальном освещении вопроса, гэдисты не могли столь же безупречно-марксистски обосновать защищавшуюся ими тактику" (Голос „С. Д." № 21).

Иначе говоря: будучи безусловно правы в критике жоресизма, гэдисты на практике должны были бы принять тактику Жореса.

Мы знаем уже, что этот совет отнюдь не единичный случай, не случайная нелепая формула, не ошибка *логики*. Нет, это сама логика... Гэд, но на практике надо следовать тактике Жореса. Конечно, в критике бюджета *принципиально* правы революционные марксисты, но их тактика отвержения бюджета отнюдь „не безупречна", слишком „прямолинейна". Конечно, *принципиально*, прав Каутский, но тактика Бернштейна на практике предпочтительнее. Конечно, *принципиально*, г. Мартов—революционный марксист, но на практике он—оппортунист. Принципиально он старается быть с Каутским, Гэдом, Бебелем, практически он—с Бернштейном, Жоресом и Мауренбрехером.

в) „Дело Жизни" и А. Бебель.

Начиная избирательную кампанию в новый германский рейхстаг, Бебель произнес речь, в которой, как, конечно, и следовало ожидать, развил основные положения тактики революционной социал-демократии.

В своей речи Бебель сказал: „4 миллиона голосов и 50 мандатов, по моему,—лучше, чем 3 миллиона голосов и 100 мандатов". Это значит: мобилизация масс под знаменами социал-демократии и тогда, когда она не приводит непосредственно к росту мандатов, важнее для социал-демократии, чем рост мандатов помощью соглашений с буржуазными партиями. „Дело Жизни" сочло нужным выступить против этой речи. Передав ее содержание, оно писало:

> „Эта классическая точка зрения немецкой социал-демократии хорошо известна русским читателям. И никто, конечно, не станет спорить (с ней)... Но с другой стороны, и увеличение числа мандатов не безразлично... Бывают моменты, когда именно эта сторона дела естественно становится центром жизни партии. Как бы ни утешал Бебель указанием на прочные успехи партии в росте числа голосов, сейчас одна эта сторона дела уже не удовлетворяет, сейчас дело идет именно о мандатах... бой идет именно за мандаты".

Но ведь, именно, эту точку зрения против Бебеля и развивают немецкие оппортунисты!

Ведь автор сейчас цитированных строк только повторил то, что в „Sozialistische Monatshefte" по поводу той же речи Бебеля писал известный оппортунист Мауренбрехер. „Наша политическая мощь,— писал последний, — представляет ровно такую же величину, как наше влияние в парламенте. А наше влияние в парламенте основано не на количестве

поданных за нас голосов, а единственно и исключительно на числе депутатских мест. Поэтому 3 миллиона голосов и 100 мандатов представляют собою большую активную силу, нежели 4 миллиона голосов с безнадежным меньшинством в 50 мандатов". Ведь, именно, по поводу людей, рассуждающих подобным образом и у которых „Дело Жизни" заимствует свою тактическую мудрость, еще на Магдебургском партейтаге тот же Бебель говорил: „мы имеем в своих рядах много таких национал-либералов, которые ведут чисто национал-либеральную политику, которые хотят ввести партию в национал-либеральный лагерь, к братскому союзу с той самой партией, с которой мы несколько десятилетий боремся на жизнь и смерть... Мы должны их выгнать, они не должны оставаться в партии!"

Эти слова Бебеля очень мало понравились социал-демократическим национал-либералам („октябристам", по-русски), и они не преминули при первом же случае об'явить Бебеля „устаревшим", а ревизионистов— представителями „здорового чувства самой массы". Принимая сторону Мауренбрехера в его походе против взглядов Бебеля, „Дело Жизни" не считало нужным скрыть, что оно сознательно становится на сторону ревизионистов.

> *„Как бы ни относиться к ревизионизму вообще, — продолжает цитируемая статья,—нельзя не признать, что в основе этого устремления в сторону реализации*

(непосредственных, материальных успехов) *лежит здоровое психологическое чувство самой массы избирателей*".

Это ничего, конечно, что в порыве своей войны с Бебелем „Дело Жизни" уступило ревизионистам право представительства германских пролетарских масс.

Суть в том, что перед нами опять типичный образчик оппортунистического выступления, живая иллюстрация родства душ наших ликвидаторов с реформизмом. Конечно, Бебель *принципиально* прав и „спорить с классической точкой зрения немецкой социал-демократии никто не будет", но... с другой стороны, Бебель—„стар", у „партии в целом, у ее молодых деятелей — несколько иная психология", в ревизионизме есть „здоровое чувство".

Но раз так, то, конечно, тактика устаревшего Бебеля должна уступить место „здоровому чувству" „молодых" ревизионистов с их „деловыми" соображениями, с их практикой соглашения, с их „национал-либеральной" политикой...

Покуда этого достаточно. Вряд ли можно сомневаться в том, к каким элементам современного западно-европейского рабочего движения тянется наша новая партия. Туда ей, впрочем, и дорога. Пожелаем ей лишь побольше идейного мужества, столь выгодно, несмотря ни на что, отличающего автора статьи в „Деле Жизни" от претенциозного фальсификатора, г. Мартова.

Кн. п. №831.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“ ХАРЬКОВ, ул. Свободн. Академии, 5.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

И. Сталин — Троцкизм или ленинизм?
„ —Исторические курсы ленинизма.
„ —Партия.
„ —Стратегия и тактика.
„ —Диктатура пролетариата.

Л. Каменев —Ленинизм или троцкизм?
„ —Партия и троцкизм.
„ —Лондонский с'езд РС-ДРП 1907 г.
„ —Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции.

Г. Зиновьев —Большевизм или троцкизм?

Э. Квиринг —В защиту ленинизма.
„ —Ленин, Заговорщичество, Октябрь.

Литературная полемика—по поводу книги т. Троцкого „1917“.

Комсомол и троцкизм—Сборник статей и речей.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Н. Ленин —Борьба с уклонами и оппортунизмом. Сборник статей и речей, с предисловием Э. Квиринга.

И. Сталин —Метод ленинизма.
„ —Крестьянский вопрос.
„ —О теории.
„ —Национальный вопрос.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 19 г.

ЦЕНА 32 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—99.

Р
Т-18